

ОДНА И ТА ЖЕ
КНИГА

18+

Миры Макса Фрая

Макс Фрай

Одна и та же книга (сборник)

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Фрай М.

Одна и та же книга (сборник) / М. Фрай — «АСТ»,
2017 — (Миры Макса Фрая)

ISBN 978-5-17-103564-8

«Жизнь и сновидения – это страницы одной и той же книги», – написал когда-то немецкий философ Артур Шопенгауэр, а я зачарованно повторяю за ним, потому что это похоже на правду больше, чем она сама. И вот вам пара сотен страниц, выданных из моей персональной, бесконечной (надеюсь) книги – наугад, вслепую – перемешанных и сшитых вместе много лет назад. В эту книгу вошли рассказы, эссе и просто рабочие записи, сделанные в разные годы, где и когда придется: на салфетках в кафе, в компьютере и в блокноте, на песке, на полях чужих книг, химическим карандашом на запястье, лезвием бритвы по пяткам бегущего, наяву и во сне.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-103564-8

© Фрай М., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Виленские истории	6
До первой русалки	7
Солнечный кофе	11
Черные и красные, желтые и синие	19
Птицы и соль	23
Полиция города Вильнюса	26
Другие истории	32
Джингл-КО	32
Все получилось	43
И коньки	46
Одна и та же книга	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Макс Фрай

Одна и та же книга

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Жизнь и сновидения – страницы одной и той же книги.
Шопенгауэр

Виленские истории

Жить где-нибудь в маленькой стране, на окраине Европы, в небольшом, причудливо устроенном жилище, говорить одинаково скверно, но бегло на десятке языков, писать изредка на русском, отшлифованном долгим молчанием до хрустального блеска, видеть циферблат часов трижды в неделю, не чаще, определять время года, выглядывая в окно, разбрасывать зонтики по кофейням, а неделю спустя собирать их, поневоле повторив давешний маршрут, поселить события в сновидениях, а наяву пусть не будет ничего или почти ничего – вот вам мой рецепт бессмертия. Вильнюс – вполне подходящее место, чтобы попробовать осуществить его на деле. Хотя бы потому, что Вильнюс – единственный известный мне город, официальная история которого начинается со сновидения. Князь Гедиминас уснул под одним из здешних холмов, увидел сон про железного волка, рассказал волхвам, и они, благо дело было задолго до рождения доктора Фрейда, сочли волка хорошим знаком и велели немедленно строить город.

Есть и другая, неофициальная версия. Дескать, князь до сих пор спит под холмом, и пока он видит во сне город, мы есть. Поэтому реальность здешняя дрожит-рассыпается и тут же снова складывается в картинку – всегда, не от случая к случаю.

Зыбкость мира очевидна в городе Вильнюсе как нигде, легкость бытия, от которой ступни не всегда касаются земли, достигается тут без видимых внутренних усилий. Достаточно выйти на улицу, все остальное город сделает сам.

Иногда нам, жителям Вильнюса, кажется, что князь наш спит беспокойно, ворочается с боку на бок, вскрикивает и стонет во сне. А иногда он встает, чтобы попить или справить нужду. В такие моменты мы, разумеется, исчезаем, а потом, когда князь, угомонившись, закрывает глаза, появляемся снова как ни в чем не бывало, вместе с глиняными ангелами, соломенными колокольчиками, пустыми костелами, вечнозеленым плющом, чайными лавками, джазовыми концертами, чернокрылыми речными стрекозами, ледяным грушевым сидром, непомерными счетами за центральное отопление, колокольным звоном, жареным сыром и немыслимыми облаками; даже нелепые рогатые троллейбусы всякий раз снова и снова материализуются на наших улицах, хотя, как по мне, лучше бы все-таки князю снились трамваи.

До первой русалки

– Ты что, лебедям хлеб крошил? Я знаю, что запрещающих табличек тут нет, но лучше не надо бы, хлеб – не самая полезная еда для водоплавающей птицы. Ну ладно, немножко можно, я имею в виду чуть-чуть, по маленькому кусочку, а не полбатона на рыло, как...

Джем? Какой, вишневый? Малиновый? Конечно, держи.

А вот русалкам хлеб давать можно. Они, правда, сами его неохотно берут, боятся растолстеть, что с них возьмешь, девчонки... Ты чего смеешься? Ну да, русалки растолстеть боятся, а что тут такого?

Нет, не издеваюсь.

Ты когда приехал? Вчера вечером? А, тогда понятно. Увидишь еще. Конечно, увидишь, они особо не прячутся. То есть некоторые прячутся, по личным каким-то причинам, обижаются или стесняются, а сейчас еще луна на ущербе, у многих депрессия, ну а что ты хочешь, жители воды от нее чаще страдают, чем люди, хотя, казалось бы, куда уж чаще...

Я тебе вот что хочу про русалок сказать. Ты их, конечно, корми, если увидишь, на здоровье, они забавные и все жрут, еще и благодарят словами, совсем как люди – ну, почти. Но если ты дашь им суши...

Да, конечно, у нас есть японские рестораны, а где их сейчас нет? Даже прямо здесь, на набережной, видишь, где желтая крыша? Не то «Цветок сакуры», не то «Лепесток жасмина», не помню. Но он, честно говоря, не очень, суп у них лучше не заказывай, и храни тебя бог от тамошнего омлета, зато суши с лососем захочешь – не испортишь, лишь бы рыба была свежая, а у них свежая... Что? Нет, суши с русалками никто не делает. Равно как и с человечиной. Шутки у тебя дурацкие.

У меня? А я не шучу. Все знают, что русалки обожают суши. То есть, если ты дашь русалке суши, она не просто корм слопает и спасибо скажет, она потом на берег к тебе ползет, особенно если ей покажется, что у тебя в руках еще что-то есть. А когда нажрется до отвала – все, твоя навеки. Ну как, очень просто. Всюду будет потом за тобой таскаться, ну да, и домой к тебе пойдет, залезет в ванную и останется там жить долго и счастливо, пока смерть не разлучит вас. Вот у Кривого Томаса в лавке уже лет восемь русалка живет, он ее на суши с угрем приманил, это все знают. Страшно доволен.

Ну как – зачем? Дурацкая постановка вопроса. Какая польза? Вот, можно подумать, горожане домашнюю живность ради пользы держат. Какая такая великая польза от кошек? Ни шерсти, ни молока, только мяв бессмысленный, а у каждого третьего в доме кошка или кот.

Хотя вообще-то русалки, если их вежливо попросить, могут ловить для тебя рыбу или, скажем, добывать со дна ракушки. Ну да, и с жемчугом тоже, только жемчуг у нас речной, мелкий, миллионов особых на нем не заработаешь, так что закатай губу. Ничего, и без миллионов можно прожить, никто еще без них не умирал, насколько мне известно... И еще они здорово поют. Да ну тебя, не деньги поют, а русалки. Правда, не все, это уж как повезет. Так, на глаз, певчую русалку от обычной сразу не отличишь. Но если приманишь певчую – все, считай, пропал.

Ну что ты, в самом деле. Никто от русалочьих песен пока не умирал. «Пропал» – значит так заслушаешься, что обо всем на свете забудешь, пока она не заткнется, а это может случиться очень не скоро, некоторые ночи напролет поют. Говоришь: поздно уже, спать пора, – а ей, глупой, дела нет. И сам сидишь, как дурак, слушаешь, и еще соседи под окна сбегаются и несут с собой свечи, сидр и пироги, разбредаются по твоему саду, подпевают русалке, приплясывают, тискают друг дружку по кустам, так что живешь, считай, в центре карнавала, какой уж тут сон.

Вот Томас с тех пор, как у него русалка поселилась, свою лавку раньше полудня не открывает, отсыпается. И между прочим, правильно делает, потому что кому с утра может понадобиться карта пиратских кладов, чучело осьминога или, скажем, кораблик в бутылке? Они и так-то мало кому нужны, но после обеда люди все же бывают склонны к мелким безумствам. После обеда, повторяю, а не с утра.

Нет, почему, я-то как раз люблю утро. Но не настолько, чтобы вскочить на рассвете и, едва продрав глаза, побежать к Томасу за этим его дурацким осьминогом.

Да нет, ничего особенного, чучело как чучело, просто мы поспорили, что Томас от этого чудища сорок лет не избавится, и если осьминог продержится в лавке еще две недели, я выиграю... Ха, даже не помню, что именно, но что-то очень полезное в хозяйстве. Может быть, карту пиратских кладов? Ну да, еще две недели. Правильно посчитал, мы с ним сорок лет назад поспорили, а что? Мало ли, кто как выглядит, подумаешь.

Нет, я не русалка. И больше никогда никого так не называй, люди обычно обижаются. Все равно что тебя дураком и вонючкой обругать, русалки – они все же глупенькие создания и рыбой пахнут... Нет, я не обижаюсь, ну что ты. Я же понимаю, ты просто пошутил неудачно. Но не все такие понятливые.

Лучше скажи, а ты чучела осьминогов не коллекционируешь? Не за этим, случайно, приехал? Ну и слава богу, обидно было бы проиграть наш с Томасом спор в самый последний момент.

Давай, чашку подставляй, чаю еще налью, тебе же хочется. И не косись ты на меню, это уже не заказ, а комплимент от заведения.

Черный шоколад? Да, еще бы! Ой какое спасибо! Давай только поделимся, кусочек мне, кусочек тебе, вот так, а остальное я заверну и вечером Томасу отнесу, он сладкое любит – прямо с ума сходит, а покупает редко, потому что русалку прокормить – это, знаешь, непросто для человека, который торгует никому не нужными сокровищами вместо нормальных человеческих сувениров.

Ну, по крайней мере, про русалок тебе теперь, надеюсь, все более-менее ясно. Если не готов заводить дома русалку, то и суши им не давай, а то потом не будешь знать, куда деться. Пусть вот батоны лопают, а лебеди перебьются, их и так приезжие раскормили дальше некуда, это уже не птицы, а свиньи в перьях, смотреть больно. Да ладно тебе, не переживай, что сделано, то сделано, просто больше их хлебом не корми, лучше уж русалок, в самом деле, или котов – вот они у нас прожорливые и ненасытные, впрочем, как везде. А если у тебя куса колбасы при себе нет, просто вспомни, что ел на завтрак или вчера на ужин, все равно, лишь бы что-то вкусное с кошачьей точки зрения, про ватрушки им, конечно, не очень интересно, хотя разные бывают коты и разные ватрушки.

Если честно, я не думаю, что котам достаточно одних наших воспоминаний, но они это любят, факт.

Еще чаю? Ну смотри, как хочешь.

Ты вот знаешь что? Ты мне скажи, где поселился. Нет-нет, твой адрес мне даром не нужен. Просто скажи, на каком берегу. На том? В пансионе «Люси»? О, так это аж за Красным мостом! Ладно, тогда про будильник можно не...

Что именно про будильник? Говорю же, тебе это не надо. На том берегу можешь ставить будильник хоть каждое утро, да хоть каждые полчаса, если приспичит.

Ну и мало ли, что отпуск. Подумаешь. Некоторые и в отпуске встают по будильнику, я точно знаю, мне Черная Эва рассказывала, она на том берегу, где ты поселился, всю жизнь проработала, в гостинице «Тихий лев». Говорит, съедутся отдыхающие, ну, туристы вроде тебя, казалось бы, какие у них могут быть дела, куда им спешить? А с шести утра трезвон начинается.

Ох, да нет же! Не выдумывай. Черная, потому что волосы у нее темные. А у меня есть еще одна знакомая Эва, блондинка, туфли для сна шьет и продает у Нового моста, так вот эта Эва – Белая, чтобы не путать.

Ну как – что за туфли? Теплые, матерчатые, с такими, знаешь, специальными метками на подошвах, чтобы во сне не заблудиться и проснуться там, где заснул, а не где попало, у нас все в таких спят... Да ты сам сходи к Новому мосту, погляди, приценись, расспроси Эву, она поговорить любит, все тебе расскажет.

Нет. Эва не русалка. С чего бы мне с русалками дружить, я пока в своем уме.

Напрасно сомневаешься.

Да, так вот. Будильники. На том берегу можно ими пользоваться сколько влезет, а на этом не стоит. Строго говоря, нельзя ни в коем случае, но у нас тут не любят открыто запрещать, считается, это грубость, дурной тон. Поэтому когда тебе говорят «не стоит» – имей в виду, что подразумевается «ни в коем случае». Вот, да, это мало кто из приезжих понимает, а когда объясняешь, пропускают мимо ушей и вечно влипают в неприятности.

Нет, ну дались же тебе эти будильники! И кто меня вообще за язык тянул?

Ну ладно, ладно. Но ты же сейчас опять начнешь от меня шарахаться и глазами вращать, как будто я невеста что плету... Конечно, неприятно, а ты как думаешь? Любому неприятно, когда от него шарахаются.

Хорошо, смотри. Видишь, два холма? Считается, что под тем, который чуть ближе, спит Князь. Ну как – какой? Который наш город приду... тьфу, то есть построил. Сперва во сне увидел, а наутро вспомнил во всех подробностях и построил – так, во всяком случае, в летописях записано. Но летописи наши – дело темное, потому что в одних документах действительно говорится, будто Князь проснулся, построил город, правил много лет, а потом умер и его под холмом похоронили. А есть и такие свитки, где черным по белому написано, вернее, процарапано, что Князь с тех пор вообще не просыпался. Ну да, спит себе сладко и видит наш город во сне. Умные княжеские волхвы быстро смекнули, что город ему снится хороший и в стратегически правильном месте, поэтому Князю лучше бы теперь вовсе не просыпаться. Ну и спрятали его в пещере под тем холмом, там тихо, спокойно, не шумит никто над ухом.

Как – и что? Ну ты даешь. Никто же не знает, какая из летописей правдивая. Историки, конечно, спорят. Вот сколько город стоит, примерно столько они и спорят, однако холм рыть и княжий гроб на свет вытаскивать даже самые упертые не решаются. Потому что всегда есть крошечное такое сомнение: а вдруг? Я имею в виду: а вдруг про сон – правда, и если Князь все-таки проснется – город исчезнет, и мы все вместе с ним?

Да нет, теперь-то никто в такие глупости особо не верит, но старинное «а вдруг?» все по привычке держат в уме. Поэтому лучше не рисковать, археологов к холму близко не подпускать, а продолжать теоретические споры, от них точно никакого вреда.

А три года назад мы выбрали нового мэра. Хороший такой мужик, молодой совсем – я имею в виду, для такой должности молодой, – и правильно, ему пока все интересно, а это для города важно. Так вот, его дед по матери – историк, причем той школы, которая считает, что Князь все-таки спит и видит сон. И дед внука соответствующим образом накрутил. Так что не успел наш мэр вступить в должность, тут же появилось предписание: на этом берегу – никаких будильников. Вернее, не предписание, а «официальная просьба», так это у нас называется, я же говорю, тут прямые запреты считаются грубостью, и начальству приходится изворачиваться, чтобы никого не оскорбить.

Ну да, конечно, смешно. Еще как! Когда вышли утренние газеты с новостью про будильники, мы тут в кафе от хохота под столы сползали, и не только мы. Но будильники все-таки попрятали, потому что одно дело – нарушить предписание и в случае чего заплатить штраф, а просьбу, пусть даже официальную, не выполнить – некрасиво. Пожили немного без будильников, а потом как-то незаметно привыкли, что так надо, теперь даже волнуемся немного. Все

гостиницы и пансионы, конечно, за рекой, но вдруг кто-нибудь из туристов снимет комнату на этом берегу, а хозяева забудут сказать ему про будильник? И что тогда?

Это, знаешь, такой хитрый момент: если очень долго исполнять ритуал, который искренне считаешь бессмысленным, со временем начинаешь думать, что ритуал этот нужен и даже важен, потому что – ну вот если я столько лет это делаю, значит, без этого никак нельзя. Знакома тебе такая логика? Понимаешь, о чем я?

Хорошо, что ты хоть что-то понимаешь. Знал бы ты, как мне надоело – слова на ветер, вечно слова на ветер, ветер от моих слов уже тучен, как лебеди от булок, хоть на Рождество его режь, а я продолжаю его кормить, и конца этому не видно. Ну хоть сегодня будет у нашего ветра разгрузочный день, спасибо тебе.

Это как раз ничего. Ты молодец, слушаешь внимательно, верить не веришь, но запоминаешь, потом еще небось в тетрадку запишешь, чтобы, к примеру, приятелей дома насмешить, а мне все равно, главное, что на ус волей-неволей мотаешь, до первой русалки как-нибудь на одном любопытстве продержишься, а уж потом, когда поймешь, что к чему, вернешься небось расспрашивать, что тут да как. Может, завтра же и вернешься. Или послезавтра, или через неделю. Кто тебя знает.

Конечно, расскажу.

Да ну что ты, не выдумывай. Город как город. Таких больше нет, конечно, тут ты прав. Но только потому, что все города разные. Про любой можно сказать, что таких больше нет. Если я приеду туда, где ты живешь, мне, наверное, тоже многое покажется удивительным.

В таких случаях принято говорить: «тебе виднее», но, поверь на слово, виднее все-таки мне. Всякий город – таинственное и удивительное место, но это мало кто замечает.

Ну как. У кого глаза открыты, а ушки на макушке, тот и замечает. Знание всегда награда за доверчивость и любопытство, иных доблестей не требуется. Когда человек хоть немного любопытен – вот как ты нынче утром – ему непременно достанется пригоршня новых сведений, по большей части забавных, но бесполезных... хотя, конечно, как поглядеть. Это как наш речной жемчуг, который русалки со дна таскают, – невелико богатство, а все же иметь его куда приятнее, чем не иметь.

Знакомая песня. Все говорят: «ни за что теперь не уеду», а у самих куплен заранее обратный билет. И все, конечно, уезжают как миленькие, потому что ближе к сроку обратный билет начинает ныть в нагрудном кармане, а людям кажется, что это ноет сердце, никто этой муки не выдерживает, а билет выбросить не догадываются, да и жалко, наверное, он все-таки денег стоит. У тебя есть обратный билет?

Ну вот видишь.

Два пятьдесят с тебя за чай. Нет-нет, больше не возьму, и не уговаривай. Мало ли что в меню написано. Меню – для тех, кто не умеет слушать, я от них устаю, вот пусть и платят вдвойне.

Конечно, иди. А если все-таки увидишь русалку, ни в коем случае не давай ей суши, а то полезет к тебе, дурочка, станет по утрам ракушки в постель таскать, а ты через месяц уедешь, и как она тогда?

Солнечный кофе

Покончив с последним клыком, Юль отходит на несколько шагов и внимательно оглядывает дело рук своих. Саблезубый снеговик с перекошенной от злобы физиономией возвышается над сияющими ядовитой цинковой белизной сугробами. На голове у чудища черное, нет, *черное* эмалированное ведро, в тонких ручках-веточках огромная коса – не то ржавая, не то окровавленная. Отличная вышла картинка. «Белая смерть» называется. Такую фиг продашь, конечно. Зато можно повесить над собственным, с позволения сказать, ложем. Или даже одром. А что, и повешу, думает Юль, пусть только просохнет. Буду любоваться перед сном. Ненависть согревает, в отличие от электрокамина, который только киловатты жрать горазд.

«Ненавижу зиму, – вслух говорит Юль. И с наслаждением повторяет по слогам: – Не-на-ви-жу!»

И зима отвечает тебе взаимностью, мрачно добавляет она уже про себя, разглядывая обветренные руки: сколько уже кремов и мазей перепробовала, сколько денег выкинула на этот сырой, промозглый ветер – никакого толку, хоть плачь. И в зеркало лучше не глядеть, потому что зимой там живет бледная мымра с тусклыми, как паутина, волосами, потрескавшимися губами и вторым подбородком, наметившимся уже в декабре и изрядно с тех пор подросшим на сладких, жирных, горячих зимних харчах. Не Юль, а самая настоящая «поня Юлия», экая пакость.

Летом не так, и даже весной уже совсем другое дело. Каждый год в начале апреля Юль вылезает из тяжелого, толстого серо-бурого пуховика, как бабочка из кокона – еще блеклая, измятая, вялая, но уже живая и с крыльями, которые вот-вот раскроются, дайте только время, дайте дожить до первого жаркого дня, до первого сарафана, и голые плечи мгновенно станут бронзовыми, руки тонкими, глаза сияющими, а светло-русые волосы выгорят еще в мае, до цвета небеленого льна.

Себя летнюю Юль любит, бережет, холит и лелеет, себя зимнюю ненавидит почти так же, как саму зиму, – за то, что живет, как дура, здесь, за тысячи верст от ласковых южных ветров, и ничего не может с этим поделать.

Январь заканчивается, думает она, теперь пережить бы февраль. Достать чернил, поплакать, как предписывает традиция, и пережить. Долбанный февраль. Самый короткий зимний месяц по календарю, самый длинный по ощущениям, невыносимый, нескончаемый, не зря февраль по-украински «лютый», ох какой лютый, святая правда. Но даже до этого страшного февраля еще надо дожить, дотерпеть, сегодня у нас какое? Двадцать седьмое? Значит, еще четыре дня. Ох ты господи.

Юль слоняется по дому, ищет теплые носки, напевает себе под нос: «За что, за что, о боже мой, за что, за что, о боже мой?» Если бы композитор Штраус знал, как отчаянно будут фальшивить некоторые неблагодарные потомки, пытаясь воспроизвести его развеселые мотивчики, он наверняка отказался бы от идеи писать оперетты, и от идеи жить дальше он тоже, пожалуй, отказался бы. Но человеку не дано заглянуть в будущее, думает Юль, и это обычно к лучшему.

Ее собственное будущее, по крайней мере ближайшее, безрадостно. Да что там, оно просто ужасно. Потому что вот прямо сейчас, как только найдутся носки, надо собрать волю в кулак, надеть все, что есть, обмотаться шарфом и выйти на улицу. И пойти. По морозу. Далеко-далеко, четыре квартала до офиса телефонной компании, потом еще два – до ближайшего банка, а потом, получается, целых шесть обратно до дома, даже думать не хочется. Однако надо, надо, надо, уже три дня надо позарез, но невозможно было себя заставить. И сейчас, честно говоря, невозможно, но из телефонной компании прислали последнее предупреждение, сегодня крайний срок, если не заплатить, отключат – ладно бы телефон, но и интернет тоже, а это никак нельзя допустить, в интернете живет работа. Не настолько хлебная, чтобы позволить

себе проводить зиму в теплых краях, но хоть за квартиру заплатить хватает, и даже второй подбородок отрастить на сдачу, как показывает практика, вполне получается. Поэтому – два свитера, кофта, носки, сапоги, шарф. И мерзкая колючая шапка. И пуховик, который с каждым днем становится все тяжелее. Как будто тоже отъедается за зиму.

А что ж, думает Юль, конечно, отъедается. Меня жрет, сволочь ненасытная. Уже почти всю сожрал. Весной, обещает она себе, я вынесу эту дрянь на улицу и сожгу. Сперва потопчу ногами, а потом плюну и сожгу. С песнями и плясками. Вонюща небось будет... А все равно.

Она уже шестой год тешит себя этим сладостным обещанием. Но весной Юль так счастлива, что не вспоминает о мести. Оно и к лучшему, честно говоря: зимняя одежда стоит дорого, а радости от нее все равно никакой, наряжаться зимой бессмысленно, так что пусть уж будет пуховик, серый, как мышь, бурый, как медведь, уродливый, как помойное ведро, черт с ним.

Зима начинается прямо в подъезде, промерзшем как пустой холодильник. Зря я ругаю свой обогреватель, думает Юль, он старается как может, по сравнению с этим ужасом у меня дома практически тропики, мамочки, как же хочется зайти обратно, захлопнуть дверь, не раздеваясь нырнуть под одеяло, в тепло, господи боже мой, в тепло. Но она все-таки идет вниз, скользит на обледеневших ступеньках, цепляется за перила. Наконец распахивает дверь подъезда, а там, конечно же, ветер, черт бы его побрал. И солнце – бледное, лживое зимнее солнце, светит, но не греет, сволочь, лучше бы уж пасмурно и слякоть, но хоть на полградуса выше нуля.

«Мороз и солнце, день чудесный», – вслух говорит Юль.

Сейчас она очень жалеет, что Пушкина убили на дуэли. В смысле что это сделал какой-то посторонний дяденька, а не она сама. Вот бы своими руками гада такого, а! Зима ему нравится. Солнышко ему подавай с морозцем. Тьфу!

Полтора часа спустя, отогревшаяся сперва в хорошо протопленном офисе телефонной компании, а потом в банке, ограбленная, но чертовски довольная собой Юль выходит на улицу, готовая мужественно противостоять морозу и ветру – целых двадцать минут. Или пятнадцать, если время от времени переходить на бег. Но это вряд ли, почти вся дорога в гору, и еще пуховик этот чертов, два килограмма дополнительного веса, а по ощущениям – целый пуд. И сапожищи по полкило каждый. Ненавижу, привычно думает Юль. Ну, зато спорт, неуверенно, почти заискивающе говорит она себе. Хоть какая-то физическая нагрузка. Полезно.

И, приободрившись, ускоряет шаг.

Телефон зазвонил, как только Юль вынырнула из тихого пешеходного переулочка на узкую, но людную и шумную улицу Траку. Слово бы только и ждал момента, когда ей будет неудобно разговаривать, мерзавец. Номер незнакомый, но заграничный, в смысле украинский, а значит, наверняка звонят из Киева. Те самые ребята, которые еще в октябре дизайн сайта заказали, потом передумали, месяц спустя вернулись с извинениями – дескать, давайте все-таки работать – и после этого снова исчезли.

Юль беспомощно огляделась по сторонам – куда бы нырнуть, чтобы поговорить спокойно? Магазины с кальянами и бронзовыми Буддами закрыты, в крошечной табачной лавке топчутся пять здоровенных дядек, все пространство заняли, не втиснешься, а в роскошный бельевого бутик в этом жутком пуховике заходить неловко, продавщицы, конечно, на улицу не выгонят, но та-а-ак посмотрят... Ну их.

В итоге она свернула в ближайшую подворотню, достала из кармана телефон, поспешно нажала зеленую кнопку: я вас слушаю! Алло! Говорите! Но в ответ раздавалось только приглушенное сопение, сопровождаемое развеселой музыкой на заднем плане – не то Бреговичем тешится анонимный молчун, не то взаправдашние цыгане его похитили и теперь празднуют

удачное завершение дела, поди разбери. И надо бы убрать телефон в карман, захочет – перезвонит, да любопытство не позволяет – кто же это, интересно? И вдруг все-таки про работу?

– Девочка! – звонко сказала какая-то женщина в глубине двора. – Видишь? Я выиграла! И ты идешь за конфетами.

– А она еще не зашла во двор, – ответил спокойный мужской голос. – В подворотне стоит. Так что не считается.

Они говорили довольно тихо, но акустика здесь будь здоров, так что Юль все равно услышала. И поскольку неведомый молчун с цыганами наконец дал отбой, завершил так и не начавшуюся беседу, она обернулась, чтобы поглядеть, что там у нее за спиной делается.

А за спиной у нее самый обыкновенный виленский двор: крепкие кирпичные стены, ветхие дровяные сараи, проволочные параллельные прямые, многократно пересекавшиеся при помощи бельевых прищепок, низенькие оградки вокруг мертвых сейчас палисадников, невысокие раскидистые деревья и дремучие кусты. Летом-то они зеленые, а сейчас голые, еще и обледеневшие, и сосульки нагло, вызываясь сверкают на солнце, как бриллианты-самозванцы. А возле подъезда, дверь которого выкрашена в жизнерадостный оранжевый цвет, сидят на очищенной от снега скамейке дедушка и бабушка. Вроде симпатичные. Но, несомненно, сумасшедшие: установили на деревянном ящике газовую горелку, на горелку водрузили кастрюльку, варят что-то, вместо того чтобы дома сидеть, на теплой кухне. Впрочем, может быть, у них дома дети, внуки и другие домашние животные, вот и спасаются бедняги на улице, в такую холодрыгу, помоги им боже.

– Или сюда, девочка! – бабушка, закутанная в цветастый платок и рыжую лисью шубу, приветливо помахала ей рукой в яркой зеленой варежке.

Голос ее звучал приветливо и одновременно властно, так что Юль, не помышлявшая ни о чем, кроме поспешного бегства домой, невольно сделала несколько шагов по направлению к скамейке. Сама не поняла, как это вышло.

– Все, она во дворе! Где мои конфеты?

– Ты ее позвала. Так нечестно, – проворчал дедушка. – Но ладно уж.

Поднялся и зашел в подъезд. А Юль нерешительно потопталась на месте и наконец спросила:

– Вы поспорили, кто первым во двор зайдет, мужчина или женщина?

Бабушка заговорщически ей подмигнула и рассмеялась.

– Совершенно верно. Заключение пари. И благодаря тебе я только что выиграла конфеты, да какие! Мартин их из Барселоны привез, у нас такие не купишь. Он бы меня, конечно, и так угостил, но выигранное в сто раз вкуснее. Особенно если немножко сжульничать.

Юль только теперь поняла – никакая она не бабушка. Просто платок сбивает с толку, а снять его, и поймешь, что «бабушкой» эту женщину называть глупо, даже если у нее и правда внуков полон дом, вон какая красивая, глазищи синие и ямочки на румяных от мороза щеках.

– погоди, Мартин сейчас вернется с конфетами, попробуешь, – сказала женщина. – И кофе с меня причитается, конечно. Даже не думай возражать.

– Кофе?!

Юль ушам своим не поверила. Так это они, получается, кофе варят. Во дворе. На морозе. Совсем больные на голову, подумала она, хотя не употребляла это выражение с детства, а тут вдруг вспомнила, очень уж случай подходящий.

– Кофе, – кивнула «больная». – Подожди буквально минуту, он уже почти готов... Меня зовут Майя, а тебя?

– А меня Юлия. – Юль по привычке приделала к имени, которым называет себя сама, тягучее, сонное окончание. Чтобы лишних вопросов избежать. Ей сейчас не до вопросов, ей сейчас надо вежливо улыбнуться, отказаться от кофе и конфет и бежать домой. Ноги уже практически отнялись на этом чертовом морозе.

– Юля-июля, – улыбнулась женщина. – Да у нас тут практически собрание братьев-месяцев. Хотя преимущественно – сестер. И кворума, конечно, нет, и не предвидится. – И заметив наконец, что Юль ничего не понимает, снисходительно пояснила: – Мартин, Майя и ты, Юль-июль. Два весенних месяца и один летний. Неплохо, по-моему.

Ну и фигли тогда так холодно, мрачно подумала Юль, но вслух, конечно, ничего не сказала. И даже попыталась улыбнуться, насколько позволили одеревеневшие на морозе лицевые мышцы.

– Совсем замерз ребенок, ты что, не видишь? – укоризненно сказал Мартин.

В руках у него был плед. Красный, в зеленую клетку. Очень яркий. И очень толстый. От одного взгляда на него стало теплее, а дедушка Мартин – уж он-то все-таки именно дедушка, бодрый и подтянутый, но явно гораздо старше своей подружки – развернул плед и одним ловким движением закутал в него Юль, как ребенка в полотенце после бани.

– Ой, – смущенно пискнула она. И умолкла. Потому что вдруг стало тепло – вот прямо сразу, раз – и все! Как будто в натопленную комнату вошла. Как брошенный на плечи плед мог согреть торчащие наружу ноги и нос, совершенно непонятно. Но здорово.

– Вот это ты молодец, – одобрительно кивнула Майя. – А конфеты?

– Здесь, – дедушка Мартин похлопал себя по груди, вернее, по тяжелому полушубку. Звук получился гулкий, как будто под овчиной скрывались рыцарские латы. – Ты жульничала, поэтому отдам только в обмен на кофе. Третью кружку я, кстати, принес.

– Сообразительный, – обрадовалась Майя. – Давай ее сюда, все уже готово... Ребенок, ты жив? Садись сюда, – и выразительно похлопала по скамейке ярко-зеленой шерстяной ладошкой.

Юль послушно села. Сейчас она была готова на все, лишь бы плед не отобрали. Не мерзнуть – вот в чем смысл жизни, радость и благодать. Не мерзнуть – это и есть счастье. Оно, оказывается, достижимо – при жизни и даже в январе. И пусть длится, сколько возможно, а еще лучше – вообще всегда.

– Вкусно? – требовательно спросила Майя.

Она, конечно же, про кофе. Юль кивнула, молча, но страстно, с полной самоотдачей. Потому что кофе действительно сказочно вкусный, хоть и варили его на улице, на газовой горелке, в алюминиевой кастрюльке с мятым боком и, похоже, вовсе без пряностей. А может быть, как раз именно поэтому. На таком морозе даже безмозглый напиток вполне может решить, что всему конец, и расстараться напоследок. В смысле проявить себя наилучшим образом. Пропадать, так с музыкой.

– Вкусно? – спросил Мартин.

Это он про конфету. Юль закивала еще более страстно. Потому что конфета невероятная оказалась, не шоколадная, не карамель, не леденец и не мармелад, вообще ни на что не похожа. Прессованная ореховая пыль, почти не сладкая, тает во рту – что-то немыслимое, короче.

– Я три коробки из Барселоны привез, – сказал Мартин. – Теперь жалею, что так мало. Когда еще снова туда попаду.

– Там зимой тепло, наверное, – вздохнула Юль.

– Я был перед самым Рождеством. Плюс пятнадцать.

Юль почувствовала, что сейчас заплачет от зависти и жалости к себе. И, чтобы отвлечься, спросила:

– А почему вы на улице кофе варите? Потому что так вкуснее?

– Действительно получилось вкуснее, чем дома, – закивала Майя. – Я тоже впервые в жизни этим занимаюсь, – объяснила она. – Мартин меня подбил. В честь праздника.

– У кого-то из вас день рождения?

Странный способ праздновать день рождения, конечно. Но они уже довольно старые, думает Юль. В смысле давно живут. И им, наверное, все надоело, хочется чего-то новенького. Вот и пошли с кастрюлей на мороз.

– Не день рождения, – они заговорили наперебой.

– Другой праздник.

– Исландский.

– Так и называется: «Солнечный кофе».

– У них же там зимой темно, солнца пару месяцев вообще не видят.

– А когда оно наконец появляется на небе, все варят кофе на улице, чтобы солнечный свет с водой смешался, – Мартин наконец перехватил инициативу. – Я в прошлом году, как раз в конце января, оказался в Рейкьявике. И угодил на этот праздник. А сегодня посмотрел в окно – солнце. А на календаре двадцать седьмое. Ну и подумал – чем мы хуже исландцев? У нас тоже зима длинная. И дни короткие. Правда, исландцы еще и блины на улице пекут, но мы трезво оценили свои возможности.

– Вот это да!

Юль не знала, что еще тут можно сказать. Разве что «больные на голову». Но такие комментарии лучше держать при себе.

– Вы много ездите? – спросила она. – И в Рейкьявике были, и в Барселоне...

– И еще черт знает где. Я и здесь ненадолго, проездом. Такая работа.

Надо же, какой сладкий хлеб у некоторых людей бывает, подумала Юль и снова чуть не разревелась от зависти. В ее голове толкались локтями и оглушительно верещали маленькие, злобные, подлые мыслишки: он такой старый, зачем ему, лучше бы мне, мне, мне!

Стыдно, ой как стыдно-то, старательно думала Юль, очень громко думала, почти кричала, в надежде заглушить всю эту из темных углов поналезшую пакость. Поэтому спросить, что это за работа такая – по разным городам ездить, – так и не решилась.

– Я бы тоже так хотела, – наконец пробормотала она. И совсем тихо добавила: – Особенно по теплым странам.

– Ну и кто тебя держит? – рассмеялась Майя. – Семеро по лавкам и поросенок в сарае? Что-то непохоже. Ты кто по профессии?

– Ну так, всего понемножку, сайты делать могу, переводить, шить на заказ, бижутерию всякую мастерить, кукол... – Юль окончательно смутилась, но все-таки добавила, почти шепотом: – И рисовать. Я... нну... как бы немножко художник.

– Художник? Вот это повезло! Так у тебя, считай, весь мир на ладони.

Майя так сияла, словно это она была художником и мир лежал на ее ладони, а не на Юлиной. Впрочем, похоже, именно так оно и было. На такой ладони – узкой, длинной, ухоженной, украшенной сверкающими кольцами – что ж не полежать.

– Чтобы путешествовать, нужны деньги, – мрачно заметила Юль. – А я неизвестный художник. Нас таких больше, чем кисточек...

– Брось, – отмахнулась та. – Не приbedняйся, это во-первых. А во-вторых, чтобы путешествовать, не нужно ничего, кроме желания.

– Еще нужна решимость, – неожиданно вмешался Мартин. – И деятельная воля. И, конечно, точка отсчета.

– Точка отсчета? – переспросила Юль. – Это как?

– Это очень просто. Смотри, что получается: почти всякий человек, кого ни возьми, не слишком доволен своей жизнью. Одному не нравится работа, другому семья, третьему место жительства, четвертому, вот как тебе, климат. А некоторым – все вышеперечисленное и еще куча вещей. И люди говорят себе: ничего, однажды все изменится. Такое обещание дает им силы жить дальше. Но оно же мешает настоящим переменам. Понимаешь, о чем я? Человек думает: «Однажды все изменится», – как будто это должно случиться само, без его участия. А

так не бывает. Надо не думать, а делать. Сказать себе: мое «однажды» уже наступило, откладывать больше некуда, давай, действуй! Вот это и есть точка отсчета, о которой я говорю, – тот день, когда наступило твое «однажды». Понимаешь?

Юль молча кивнула. А что тут скажешь, когда все так и есть. Сколько раз себе обещала: в следующем ноябре меня здесь уже не будет. Ну и толку от этих обещаний?

– Ты, конечно, ужасно умный, – улыбнулась Майя. – И все очень правильно говоришь. Ты только одно упустил из виду: мы с Юлей девочки. Нам менять жизнь гораздо проще. Иногда достаточно просто переодеться. А в некоторых случаях, – выразительно добавила она, – это просто жизненно необходимо.

Юль почувствовала, что краснеет.

– Его уже давным-давно пора выбросить, – пробормотала она, вцепившись в рукав своего серо-бурого пуховика. – Который год собираюсь, но летом не до того, а потом приходит зима и становится все равно... По крайней мере, он теплый.

– Понимаю, – сочувственно кивнула Майя. – Думаю, ты просто никогда не пробовала наряжаться зимой. А это, поверь мне, очень помогает. Тебе нужно что-нибудь яркое – желтое, оранжевое, красное...

– Или зеленое, как трава, – мечтательно улыбнулась Юль.

– Как скажешь, – согласилась Майя. – Пусть будет зеленое. Погоди, я сейчас. Подержи. Поднялась, сунула ей в руки свою кружку с кофе и скрылась в подъезде.

Юль хотела спросить старого Мартина: «Куда это она?», но он как раз отвернулся, достал сигарету и теперь возился со спичками, пытаясь прикурить на ветру. Без говорливой Майи Юль вдруг почувствовала себя лишней, запоздало застеснялась, да так, что удрала бы отсюда немедленно, если бы не плед. Из-под такого пледа добровольно вылезать на мороз – ох нет, пожалуйста, не сейчас. Никто ведь не гонит? Вот и сиди.

Майя вернулась так быстро, что Юль даже помучиться толком не успела. С охапкой ярко-зеленого меха в руках. Юль сперва подумала, это она еще один плед принесла, себе, потому что замерзла. И только когда Майя скомандовала: «Вставай, раздевайся!» – поняла, что это не плед, а дубленка. Крашенная. Цвета майской травы. Зачем это? А вставать зачем?

По-своему истолковав Юлино замешательство, Майя сочувственно затараторила:

– Да-да-да, я знаю этот плед, с ним по доброй воле не расстаются. И тут, снаружи, по-прежнему очень холодно. Но мы сейчас, быстро-быстро. Март, помоги ребенку... нет, лучше помоги мне. Давай, давай!

Юль глазом моргнуть не успела, как эти двое подняли ее со скамейки, вытряхнули из пледа, а потом и из пуховика. Она почти задохнулась от холода, но тут на плечи навалилась новая теплая, мягкая тяжесть – зеленая дубленка сидела на ней как влитая, а Майя заботливо застегивала пуговицы.

– Хороша, – сказала она. – Сама бы носила. Но на мне она едва сходится. Пять лет я верила, что это поправимо. Только подумай – пять долгих лет самообмана, оскорбительного для всякого мыслящего существа. Пора бы уже расстаться с иллюзиями – в честь праздника. И ты мне поможешь.

Юль чувствовала себя окончательно сбитой с толку. И одновременно согретой. В зеленой дубленке было тепло – в точности как в пуховике под пледом. А может быть, еще теплее, она была слишком потрясена, чтобы беспристрастно анализировать и сравнивать ощущения.

– Как я вам помогу? – наконец спросила она.

– Очень просто. Уйдешь отсюда в этой шкурке. Чтобы глаза мои ее больше не видели. И тогда воспоминания о былом сорок втором размере перестанут терзать мою душу, – скороговоркой выпалила Майя.

– То есть вы хотите мне ее отдать? – Юль ушам своим не верила.

– А ты думала, просто подразнить?

– Но я не... не... не могу, – запинаясь, забормотала Юль.

– То есть не хочешь? – строго спросила Майя.

Это был удар ниже пояса. Юль закусил губу, чтобы не заорать: «Хочу! Еще как хочу!» – и промывчала что-то невнятное про «слишком дорогой подарок» и «вы же меня совсем не знаете».

Из состояния шока ее вывел едкий запах дыма. Аромат паленого дерьма, сказала бы она наедине с собой. Но в присутствии своих новых «больных на голову» знакомых Юль старалась выражаться как можно деликатнее, даже в мыслях. Поэтому пусть будет «едкий запах дыма», хотя для таких случаев есть гораздо более точное слово «вонюшка».

– Это я виноват, – объявил дедушка Мартин, размахивая перед носом Юль наполовину выкуренной и теперь погасшей сигаретой. – Страхивал пепел, а выпал уголек – в смысле горящий табак. А я не заметил. Какая беда! Твою куртку уже не спасти.

Только теперь Юль поняла, что это тлеет ее сброшенный на землю пуховик. Дымит и смердит, как несвежие простыни из самой дешевой адской гостиницы. А виновник катастрофы поспешно отпихивает его ногой прочь, подальше от скамейки. Вид у него при этом не виноватый, а чрезвычайно довольный. Ясно, что нарочно поджег.

– Ну вот, теперь без вариантов, – удовлетворенно констатировала Майя. – Теперь это не подарок, а компенсация ущерба. Твоя совесть чиста. Наша тоже. Все довольны. На этой оптимистической ноте можешь...

И тут зазвонил телефон. Юль не понимала, каким образом он оказался в кармане зеленой дубленки. Ну, видимо, машинально схватила, когда эти двое ее раздевали. И машинально же сунула в новый карман. Еще бы, так растерялась. Она, собственно, до сих пор в себя не пришла. Только пискнула: «Я сейчас, мне надо ответить» – и почти бегом устремилась в подворотню, повинаясь инстинктивной потребности всякий раз уединяться для телефонного разговора.

На этот раз киевским заказчикам удалось пробиться сквозь помехи. Они больше не сопели в трубку, а деловито пытались выяснить, не согласится ли Юль сделать дизайн за половину оговоренной прежде цены. А получив решительный отказ, предложили уменьшить объем работы. Торговались долго, в конце концов пришли к более-менее приемлемому для всех сторон компромиссу, распрощались, назначив на вечер деловое свидание в скайпе, и только тогда Юль поняла, что все это время стояла на месте и не замерзла. Не замерзла! Совсем! Она! Надо же, какая теплая оказалась дубленка.

Наверное, я все-таки могу ее взять, подумала Юль. Пуховик-то испортили, действительно. Какой молодец этот дедушка Мартин. Я столько лет не могла собраться спалить эту дрянь, а он раз – и все. И вопрос закрыт.

Она пошла было обратно во двор, чтобы поблагодарить Майю за дубленку, а Мартина за пожар и, если хватит смелости, предложить им в подарок свои картинки, а вдруг возьмут? Но во дворе никого не было, только Юлин потемневший пуховик агонизировал у подножия мусорного бака, источая ядовитый дым. Ушли уже, получается, растерянно подумала Юль. И горелку унесли. И кастрюльку. И плед. И кому же я теперь спасибо скажу? Вот же... больные на голову. Такие хорошие!

Юль идет по улице Траку, подставляя лицо бледным лучам зимнего солнца. То и дело косится на свои отражения в витринах – какая-то незнакомая красotka в ярко-зеленой дубленке до пят повторяет все ее движения: шагает, поправляет шапку, вертит головой. Теперь, получается, я такая? Ну и дела.

Поднимаясь на холм, на вершине которого стоит ее дом, Юль думает: как-то странно я себя чувствую. Как-то необычно. Лицо горит, и кажется, спина под свитером влажная. Это мне, что ли, жарко? Как летом? Ну и дела. Тогда, получается, можно не торопиться?

Она понемногу сбавляет шаг и наконец усаживается на теплую от солнца лавку возле Русского театра. Думает – жалко, что я не взяла сигареты. Мне же в голову не могло прийти, что зимой можно курить на улице. Впрочем, и без сигарет неплохо.

Жила-была девочка я, думает Юль. Собственно, не то чтобы такая уж девочка. Здоровая корова, если называть вещи своими именами. И было этой девочке-корове ужас как холодно. Поэтому она целыми днями сидела под одеялом и страшно себя жалела. И вот однажды, всего полчаса назад, все вдруг – хлоп! – чудесным образом переменялось. И теперь совершенно непонятно, что будет дальше. Но что-то будет, это точно.

Черные и красные, желтые и синие

Лето, думает Тереза, проснувшись среди скомканных, влажных от пота простыней, еще одно дурацкое лето. Вот почему, почему в апреле всегда кажется, еще немножко – и все *накопец-то будет хорошо*. И в мае, когда начинают цвести вишни, кажется: да-да-да, вот-вот-вот, оно, оно, еще чуть-чуть – и... И! Неизвестно что, непонятно как, неведомо зачем, но будет-будет-будет, сбудется, и тогда начнется *настоящая жизнь*, сейчас и вообразить невозможно, какая она, только тосковать оттого, что еще не началась.

Но вместо *неизвестно чего* наступает просто июнь, а потом июль, постепенно становится жарко, поначалу радуешься, что наконец-то можно спрятать куртку в шкаф, выскакивать из дома в майке и шлепанцах, а потом на радость не остается сил, их вообще ни на что не остается, жара изматывает, по крайней мере, городская жара, и никакая река не спасает, не спасают даже две реки, была бы третья, и это, пожалуй, ничего бы не изменило.

Говорят, в жару надо пить зеленый чай. Ерунда. В жару надо пить кофе. Кофе, впрочем, надо пить всегда и везде, при всяком удобном случае, он превращает существование в жизнь – это Тереза знает точно. Но в жару кофе надо пить в два раза больше, чем обычно, если не хочешь целый день проваляться в постели ватным чучелком, сердитым, горячим, мокрым от пота чучелком, бррррр.

А вот кофе-то в доме и нет. Ну как – нет, две чайные ложки, неприкосновенный утренний запас, на одну чашку. Но это – все. Потом придется бежать в лавку, в самый солнцепек, не откладывая до наступления прохлады, потому что до вечера на одной чашке не продержаться. Вернее, продержаться-то можно, а вот работать уже не получится. А перевод надо сдавать завтра. А с четырех до одиннадцати смена в кафе, нашла подработку на свою голову, корова, жадина несчастная, ругает себя Тереза, еще одно лето псу под хвост, а платят там копейки, и чаевые, на которые так рассчитывала, оказались копеечные, а время уходит, лето заканчивается, жизнь твоя тратится на ерунду, и другой жизни у тебя, между прочим, нет, ты в курсе?

Тереза в курсе. Но это ничего не меняет. В любом случае работа нужна, спасибо еще, что в кафе летом людей всегда не хватает. Переводов летом мало, заработка едва хватает на оплату жилья, а на что покупать еду и кофе? То-то и оно. Кофе, кофе, где же ты, мой кофе, вздыхает Тереза, допив последний глоток. Ладно, ничего, сейчас сбегаяю.

Перед тем как выйти из дома, она умывается холодной водой и, не вытираясь, выскакивает на улицу, с мокрым лицом, влажными волосами, в забрызганной футболке. Первые пять минут будет полегче, а за это время, если постараться, можно добежать до улицы Пилес, хотя бы до лотков с сувенирами, где плавают на солнце янтарные бусы, того гляди, снова станут смолой, прольются на булыжную мостовую тяжелыми, горячими каплями. Тереза бежит мимо не останавливаясь, у нее хорошее дыхание, она еще долго может так бежать, не любит, но может, чего уж там.

Кофейная лавка «Гурман» на другом конце Пилес, но улица короткая, ее даже пешком за три минуты можно пройти насквозь, а бегом – вообще не вопрос. Когда древняя старушка, торгующая на площади букетами синего цикория и оранжевых ноготков, поднимает наконец трясущуюся голову, чтобы обстоятельно ответить на традиционное «здрасьте», Тереза уже тянет на себя тяжелую деревянную дверь, заходит внутрь и с наслаждением ежится от холодного кондиционированного воздуха.

– Давно вас не было, – улыбается полная рыжая женщина, такая красивая, что у Терезы всякий раз дух захватывает. Тереза совершенно уверена, что рыжая продавщица из «Гурмана» – бессмертная лисица-оборотень, как в старинных китайских новеллах. Мало ли что у нее муж, четыре дочери-школьницы, домик в Жверинасе и скучное имя «Бируте», китайские

лисы-оборотни тоже иногда развлечения ради селились среди людей и перенимали человеческие повадки, что им, бессмертным, какие-то сорок-пятьдесят лет, подумаешь.

– Я заходила недавно, – говорит Тереза. – Дня четыре назад. Просто вы в тот день не работали.

– Двести граммов кений, как всегда? – спрашивает рыжая.

– Сегодня триста. Я его в жару больше пью, – объясняет Тереза.

– Тогда сделаю вам два пакета, – кивает рыжая. – В один больше двухсот пятидесяти не помещается.

– Хорошо. А все, что не поместилось, смелите, пожалуйста, – просит Тереза.

Она всегда мелет кофе сама, непосредственно перед варкой. Но сегодня даже это делать лень, очень уж жарко.

Рыжая кивает, засыпает кофейные зерна в допотопный агрегат, антикварная машина издает нечеловеческий рык и ужасающий вой, но кофе мелет на совесть, не хуже, чем Терезина ручная мельничка, даже лучше, честно говоря, но мельничке об этом знать не следует, думает Тереза, ни за что ей не скажу, а то обидится и сломается, только дополнительных расходов мне сейчас не хватало.

На прощание рыжая продавщица-лиса протягивает Терезе леденец из зеленого чая. Такой презент полагается всем покупателям, по крайней мере, всем постоянным клиентам, но Терезе приятно думать, что зеленая конфета – очень личный подарок, только для нее.

Обратно она идет медленно, глазеет по сторонам, напоминает себе: Вильнюс очень красивый город, ты же с детства мечтала тут жить, с тех пор, как с классом на экскурсию приехала, и вот теперь живешь, у тебя, деревенской девчонки, есть мансарда в самом центре и работа, чтобы ее оплачивать, радуйся же, глупая, не переводи добро! Радость получается, прямо скажем, не очень искренняя, но даже такое настроение – гораздо лучше, чем обычная утренняя тоска. Кисловатый леденец перекачивается за щекой, вот тебе и завтрак, думает Тереза, отличный завтрак, щадящий кошелек и фигуру. Знакомая старушка на площади обрызгивает свои букеты водой из пластиковой бутылки с проделанной в крышке дырочкой. И меня, просит Тереза, и меня! Старушка укоризненно качает головой, дескать, не подобает одной элегантной даме просить о такой услуге другую элегантную даму, но просьбу исполняет, щедро поливает Терезу нагретой на солнце водой. «Je vous remercie»¹, – говорит Тереза, прикладывая руку к мокрому сердцу, отпечатанному на футболке, и элегантные дамы – одна в обрезанных выше колена джинсах и тряпичных тапочках на резиновой подошве, другая в пожелтевшей от времени ажурной кофте и древней соломенной шляпе с пыльными розами – расстанутся, довольные друг другом.

Миновав заставленную сувенирными лотками площадь, Тереза сворачивает на Бокшто, здесь всегда тень, можно подумать, жители этой улицы обладают какой-то специальной привилегией или просто скидываются и оплачивают дополнительную услугу, летнюю тень. Но улицу Бокшто мы любим не только за это, думает Тереза. А еще, к примеру, за то, что воон в том дворе, за высокими, потемневшими от времени деревянными воротами когда-то жил василиск. Чертовски приятно знать точный адрес василиска! Веский повод для самоуважения. Двор ей показали друзья-старшекурсники, давным-давно, когда она только поступила в университет; ясно, что ребята просто шутили, но Терезе плевать, что сказано, то сказано, в любом случае реальность – это то, о чем я с собой разговариваю, думает она, а значит, василиск жил в этом дворе, и точка.

Возле Барбакана Тереза невольно ускоряет шаг – на крепостных стенах загорают студенты и туристы, их праздный вид служит ей напоминанием о собственных делах, которые

¹ Благодарю вас (франц.)

никто за нее не сделает. Она неприязненно косится на загорающих – вот ведь бездельники, целыми днями тут сидят, я бы на их месте... Что именно, Тереза не формулирует, и так ясно, она знает тысячу прекрасных способов распорядиться свободным временем, которого у нее никогда нет, черт, черт, черт! И пиво с самого утра, неодобрительно думает она, пиво, с утра, в такую жару, и ведь совершенно добровольно, никто их не заставляет, брррр.

Миновав Барбакан, она ныряет во двор. К дому можно пройти мимо заброшенных гаражей, а можно по тропинке, между чужими огородами и дровяными сараями. Тереза выбирает тропинку, через гаражи она сегодня уже ходила, результат налицо: все штаны в репьях и свежая царапина на щиколотке.

На тропинке нет ни репьев, ни чертополоха, зато здесь иногда встречаются соседи. Тереза не любит соседей. Здесь, в старых двухэтажных бараках, каким-то чудом сохранившихся в самом центре города, обитают те еще персонажи. Для Терезы они не столько живые люди, сколько неиссякающий источник отвратительных звуков. Пьяная ругань, детский визг да русский шансон – прекрасный набор. И все это, заметьте, с шести утра до двух часов ночи. У большинства алкоголиков проблемы со сном. А уж какие проблемы со сном у их соседей, знал бы кто, сердито думает Тереза. А я-то еще удивлялась, что хозяйка так дешево мансарду сдает. Зря удивлялась, за такое прекрасное окружение еще литов двести надо бы скостить. И ведь даже ругаться с ними бесполезно, таких ничем не напугаешь, вот уж кому действительно нечего терять, а если и захотят пойти навстречу, к вечеру забудут обещания, с памятью у них проблемы почище, чем со сном, вернее, у них-то как раз никаких проблем...

Вот не надо, никогда не надо заранее думать о неприятностях, говорит себе Тереза. Только подумаешь, а они – хлоп! – и материализуются у тебя на пути. Натурально на пути: тропинка перегорожена тремя ветхими табуретами, хороший хозяин такими камин топить и то побрезгует. На двух сидят дочерна загорелые мужички неопределенного возраста, больше похожие на крестьян, чем на городских забулдыг, на третьем установлена газовая горелка с баллончиком, греется вода в древней эмалированной кастрюльке. Еще один мужичок взирает на происходящее сверху, со ступеньки лестницы, ведущей на крышу дровяного сарая.

– О! – завидев Терезу, он торжественно поднимает к небу палец. – Пани, вы замуж случайно не собираетесь?

– Спасибо, я уже, – сухо говорит Тереза. Вообще-то, после слова «уже» должно следовать слово «была». И уточнение: «Три года назад». Но говорить все это вслух Тереза не намерена. А то сразу выяснится, что у нее теперь есть целых три жениха, готовых – не факт, что вот прямо сейчас жениться, но уж выпить по случаю помолвки – непременно!

– Жалко, – говорит он. – А я-то думал, такая красивая пани, вдруг замуж собирается? А мы бы вам голубей к свадьбе организовали, по-соседски, недорого.

От удивления Тереза останавливается и внимательно глядит на своего собеседника.

– Голубей к свадьбе? Это как? Их, что ли, теперь на свадьбах едят?

– Упаси боже, – басит один из сидящих внизу. – Еще чего. Голубей, пани, на свадьбах выпускают. На счастье.

– Надо же, – говорит Тереза. – А я и не знала. А у вас тут, получается, голубятня?

– Ну, – деловито кивает первый мужичок, тот, который сидит наверху.

– А почему никто не летает?

– А мы сюда только перебрались, – объясняет он. – Вот, сидим, новоселье отмечаем. Кофе варим. Хотите кофе?

Тереза с недоверием глядит на эмалированную кастрюльку, в которой греется вода. Да уж, эти красавцы, пожалуй, наварят.

– Спасибо, – вежливо говорит она. – Не хочу.

Разворачивается, чтобы уйти, но в последний момент, не удержавшись, спрашивает:

– А... какие у вас голуби? Белые?

– И белые тоже, – охотно соглашается басовитый мужичок. – Всеякие!

– Черные и красные. Желтые и синие, – подхватывает третий, который до сих пор молчал.

Тот, кто сидит наверху, начинает хохотать, да так заразительно, что Тереза тоже хихикает, прикрыв рот кулаком, как-то очень по-девчачьи, в смысле как в детстве, когда с тобой вдруг начинают шутить чужие взрослые, – и смешно, и стыдно, и немножечко страшно, бог весть почему.

Хорошие какие мужички, думает Тереза. Голуби для свадеб, ну и бизнес! Придумали же...

– А ну покажите, какой у вас кофе, – строго, чтобы скрыть смущение, говорит она.

С отвращением смотрит на полупустую пачку дешевой молотой дряни, пахнувшей лежалыми опилками, – и ведь некоторые люди совершенно добровольно соглашаются это пить, никто их не заставляет. Немыслимо.

– Ладно, раз так, вот вам подарок на новоселье, – объявляет Тереза. И достает из кармана пакетик с кений.

Ничего, не жалко, тут совсем немного, граммов пятьдесят, пустяки, не разорюсь, думает она. И не зря, выходит, попросила смолоть, у этих красавцев, сразу видно, никакой кофемолки даже дома нет, вообще вряд ли в руках ее хоть когда-нибудь держали.

– Только смотрите, чтобы не закипел! – Тереза обводит притихших мужичков суровым взглядом. – Как только пенка появится...

– Сразу снимать! – хором подхватывают сидящие на табуретах, а третий веско добавляет: – А как же иначе?

– Ну и хорошо, – вздыхает Тереза. – Пейте на здоровье. А мне работать надо, извините, что не составлю компанию.

– Спасибо, соседка, вы же тут живете, а где ваше окно, спасибо, приходите, когда будет время, кофе попить, а если замуж надумаете, сразу скажите, мы вам за полцены... – хором галдят они, пока Тереза идет к дому, толкает скрипучую калитку, взбирается по лестнице на второй этаж.

Первым делом она открывает окно, потом включает плитку, достает из кармана пакет, пересыпает кофейные зерна в мельничку, ставит джезvu на условный электрический «огонь». Тереза мелет кофе и смотрит в окно, туда, где только что пировали ее новые знакомые. Но тропинка между сараями и огородами пуста, там нет ни табуретов, ни походной газовой горелки, ни самих мужичков. Интересные дела, думает Тереза, куда они подевались? Не могли же вот так сразу, залпом заглотить кофе и убежать, пока я с ключами возилась... Или могли?

В небе появляется стая голубей. Тереза не успела заметить, когда и откуда они взлетели. Большая пестрая стая. Что-то с ними не так, думает Тереза. Но что именно?

Что-что. Цвет, конечно же. «Пестрая стая» – это еще слабо сказано. Черные и красные, желтые и синие голуби, яркие, как детские игрушки, кружат над двухэтажными бараками, огородами и сараями в бледном, вылинявшем от солнца июльском небе, выполняют какие-то сложные пируэты, то и дело перестраиваются, как цветные стекляшки в калейдоскопе, образуя бесконечное множество неповторимых узоров.

Еще одно хорошее лето, думает Тереза, пока черные и красные, желтые и синие голуби кувыркаются в звенящем от зноя воздухе. Очень хорошее лето.

Птицы и соль

– Сейчас, – говорит, – сейчас, погоди, я только вот эту возьму и еще вооон ту достану...

В корзинке уже пять разноцветных деревянных птиц, но Фаина тянется за шестой, а я смиренно топчусь рядом, думаю: не забыть бы спички, за которыми мы, собственно, зашли в супермаркет. *На секундочку*, – конец цитаты.

– Зачем тебе столько?

Мы уже, слава богу, на улице. В моем кармане три коробка спичек. В пакете у Фаины дюжина деревянных птиц.

– Одну соседям с первого этажа на дверь повешу. – Она принимается загибать пальцы. – Вторую отнесу в булочную, которая у нас внизу. Третью ювелирам из подвала. Четвертую девочке, у которой дверь напротив моей. Еще две соседям с третьего этажа. Это уже сколько? Шесть? Ну вот.

– А остальные?

– Остальные? – Фаина морщит лоб. Пытается сообразить, зачем столько нахапала. – Ннну... на всякий случай. Должен быть стратегический запас. Вдруг я почтальоншу завтра утром встречу? Или на такси буду сегодня ехать.

– Подаришь таксисту?

– Может быть. Если он мне понравится. Или просто оставлю на заднем сиденье. Кто-нибудь потом найдет. А еще вдруг мы зайдем в кафе? Можно там спрятать на вешалке под пальто или просто на блюде положить, вместе с чаевыми.

– А в чем смысл?

– Ни в чем, – удивленно говорит Фаина. – А нужен какой-то смысл? Просто мне нравятся эти птицы. И здешний обычай украшать ими окна, двери и сады на Пасху. По всей остальной Европе зайцы и цыплята скачут; православные, по-моему, вообще без фауны обходятся, строгие они. А у нас в Литве дурацкие деревянные птицы. Везде, даже в супермаркетах. Товар первой необходимости, а как же. Такие прекрасные.

– Мне и в голову не приходило, что ты празднуешь Пасху, – говорю.

– Я? Конечно, нет. Но они празднуют.

– Кто «они»?

– Мои соседи. И тетки из булочной. И ювелиры. И почтальонша. И, наверное, таксист, хотя тут, конечно, не угадаешь.

Фаина хмурится каким-то своим мыслям, но миг спустя сизые виленские сумерки снова озаряются ее безмятежной улыбкой.

– Понимаешь, – говорит она, – я же их всех не очень-то люблю. Ну как – люблю, не люблю... Просто думаю, что они все дураки. Я, конечно, тоже, но... в какую-то другую сторону. Вот, точно, мы все дураки, но глупости у нас разные, поэтому между нами пропасть. Та самая, куда вечно норовит свалиться Шут из колоды Таро. И только оказавшись на дне, мы найдем общий язык. Да и то не факт. А пока ходим по краю, точно ничего не получится, можно и не стараться. Но и без общего языка иногда получается как-то радовать друг друга. По крайней мере, надо пробовать. Это еще не любовь, конечно. Но шаг в правильном направлении. А поскольку я, по большому счету, такая же злая дура, как все остальные, вспоминаю об этом только время от времени. Например, перед Пасхой. За календарем я не особо слежу, но это и не нужно. Все равно в один прекрасный день прихожу в магазин – вот, скажем, как сегодня, за спичками, – а там лотки с деревянными птицами у входа. И наборы крашенных яиц для особо ленивых христиан. И фабричные куличи в коробках. Я один раз купила, попробовала – полная фигня. С домашними не сравнить. Я в этом смысле балованная, у нас дома всегда пекли куличи

на Пасху – притом что в церковь даже бабушка не ходила, пока была жива. Однажды, когда мне было лет семь или восемь, я спросила: как же так, зачем все это, если в книжках написано, что Бога нет? А папа, помню, ужасно удивился: при чем тут Бог? Ему, похоже, даже в голову не приходило, что наши куличи хоть каким-то боком связаны с Богом. То есть теоретически он, конечно, все про Пасху знал, просто никогда специально об этом не думал... Ой, смотри!

Внезапно отвлекшись, Фаина толкает меня локтем в бок и бурно машет руками, требуя, чтобы я поглядел – судя по ее жестикуляции, во все стороны сразу. Верчу головой – что случилось? А вот что: из кафе «Рене» вынесли на улицу столики, постелили скатерти из плотной белой бумаги и поставили стаканы с карандашами для желающих рисовать в ожидании заказа. А еще вазы с нарциссами и пепельницы. Это значит, пришла весна, окончательно и бесповоротно, плевать, что на термометре всего плюс шесть, владельцы кафе ошибаются в этом вопросе реже, чем перелетные птицы.

– Они всегда первые, – говорит Фаина. – Такие молодцы. Ну да, кто попало в честь Магритта² кафе не назовет... А что кофе у них фиговый, это не беда. На улице все равно будет вкусно, и с вот этим ощущением, когда берешь горячую чашку холодными руками, ничего не сравнится... О чем я только что говорила?

– О куличах. И о Боге, к которому они не имеют отношения, с точки зрения твоего папы.

– А, ну да. У нас это была просто домашняя традиция, не имеющая никакого отношения к религии: разноцветные яйца и куличи на Пасху. Символ того, что с нами все в порядке, не хуже, чем у людей, – как шампанское и оливье на Новый год, как бабам-цветы на восьмое-марта, как этот их жуткий праздничный холодец во все времена.

– Два капучино, пожалуйста, – говорю я выпорхнувшему из кафе небесному созданию в белой крахмальной блузе и черном котелке, точно таком же, как изображенный на вывеске. – И... о, что я вижу! У вас есть *crème de cassis*³. А ну давайте его сюда.

– От этого напитка у тебя, чего доброго, появятся серые клеточки, – ворчит Фаина. – Но это еще полбеды. Они же и у меня появятся. И как я тогда?

– Будет нелегко, – соглашаюсь. – Но мы сильные, мы справимся... Ты, кстати, начала рассказывать про куличи. И почему-то сбилась на холодец. Это непорядок.

– Конечно, непорядок, – вздыхает она. – Холодец – самая страшная еда в мире. Но по тем временам тоже, как ни крути, символ благополучия. Не так уж много их тогда было, этих символов, но как же за них все цеплялись!.. Когда умерла бабушка, а еще через год мама и мы с папой остались вдвоем, это стало для него особенно важно – делать вид, что с нами все в порядке, *не хуже, чем у людей*. Не то чтобы он в это действительно верил, но старался как мог. Когда твой мир рушится, делать вид, что это не так, – дурацкая стратегия. Но достойная уважения, это я даже тогда понимала. Так вот, оливье, холодец и бабам-цветы – это папа всегда умел, а перед первой нашей Пасхой без мамы он нашел в кладовке бабушкины тетрадки с рецептами и стал печь куличи. И у него с первого раза получилось, прикинь. То есть куличи даже *поднялись в духовке*; я до сих пор ни черта в этом не понимаю, но помню, что о папином достижении долго еще судачили пожилые дальние родственницы: гляди-ка, мужик, а куличи испек, и они у него в духовке поднялись! – Да ну?! – А вот!

Несколько лет подряд папа, как бы бурно ни складывалась его личная жизнь, перед Пасхой непременно объявлялся дома. Красил яйца и пек куличи. И его куличи поднимались в духовке как миленькие. И это каким-то таинственным образом означало, что у нас все хорошо. И даже я иногда в это верила, вот что поразительно.

² *Рене Магритт* (1898–1967) – бельгийский художник-сюрреалист.

³ Смородиновый ликер, любимый напиток Эркюля Пуаро. Русские переводчики, я знаю, регулярно называют его смородиновым сиропом. Этой клевете на великого сыщика верить не стоит.

Однажды накануне очередной Пасхи папа заявился домой, что называется, на рогах. Во всяком случае, так он сам говорил на следующий день. Я-то не знаю, меня дома не было – ни вечером, ни даже ночью. Но судя по тому, что папа этого даже не заметил, – таки да, на рогах.

И вот прихожу я домой под утро. Папа мирно спит в гостиной на диване, на весь дом сладко пахнет куличами – идилия, короче. И я тоже быстренько заваливаюсь спать, как будто всю ночь так и было. А наутро просыпаюсь от сдавленных рыданий, и волосы мои становятся дыбом, потому что такого у нас в заводе не было – чтобы взрослый мужик в голос ревел.

Несусь на кухню – что случилось? Папа кое-как взял себя в руки, рыдания приостановил и с трагизмом, достойным шекспировского театра, воскликнул, заламывая руки: куличи!

А что – куличи? Стоят на столе – румяные, пышные. Небось опять *поднялись в духовке*, что бы это ни означало на тайном языке домохозяек.

Сахар, твердил папа. Сахар! Соль! Сахар, соль.

Объяснить более внятно он не мог: зверское похмелье было у человека. И похоже, горе. Большое, настоящее горе, как бы нелепо это ни выглядело со стороны.

Но я уже сама поняла, что случилось. Вместо сахара папа положил в тесто соль. Очень много соли. Три стакана. Или два, неважно. Все равно много. И теперь все пропало, еще бы.

Мне было ясно, что ему не продуктов жалко и тем более не собственного труда. Потери были куда существенней: у человека только что мир рухнул. Наш с ним убогий, неустроенный домашний мир, который он все эти годы собирал по кусочкам, латал как мог, держал обеими руками, взглядом, верой и волей. А теперь – все, конец, не удержал. Куда уж хуже: на дворе Пасха, а у нас куличи не удались. И значит, усилия тщетны, все у нас плохо, *не как у людей*. Ничего не получилось.

Мне в ту пору вся эта ерунда «как у людей – не как у людей» уже была до одного места. Примерно до того же самого, что и сейчас, только тогда я выражала свою позицию гораздо жестче. «Бессмысленные ритуалы тупоголовых обывателей» – это еще самая сдержанная из моих тогдашних формулировок. Но одно дело абстрактное презрение к чужим ритуалам, и совсем другое – живой человек, мой папа, сильный, взрослый мужик, у которого все рухнуло, потому что он перепутал соль с сахаром и дурацкие куличи не удались.

И тогда я взяла в руки нож, отрезала кусок. Прожевала соленую дрянь, сказала: а что, мне нравится. Даже и хорошо, что несладко. И, собравшись с духом, снова откусила. Папа уставился на меня, как на ангела, спустившегося с небес. Наконец тоже отрезал себе кусок. Попробовал, подумал, сказал неуверенно: ну да, жить можно. Но знаешь, мне все-таки сладкие больше нравились.

И поскольку черная бездна отчаяния, на краю которой мы оба только что топтались, к тому времени скукожилась до размеров фронтового окопа, где плечом к плечу вполне можно пересидеть любую бомбежку, я честно признала: да, так солоно, что много, пожалуй, не съешь. И, выдержав паузу, предложила: а давай мы из них сухарики сделаем, к пиву.

Слушай, а точно, сказал папа. И наконец-то улыбнулся. Взял нож, и мы начали резать куличи на кубики.

Такие классные сухарики получились, кстати. Я в тот же день добрую половину прикончила, причем без всякого пива, терпеть его не могла, да и сейчас не особо – ну, ты знаешь...

Фаина умолкает, растерянно глядит на меня и наконец спрашивает:

– Слушай, а зачем я тебе все это рассказываю?

– Наверное, затем же, зачем подсовываешь своим соседям деревянных птиц, – говорю я. – То есть просто так. Но с задней мыслью: а вдруг обрадуюсь. Это, как ты сама справедливо заметила, еще не любовь. Но шаг в нужном направлении.

Полиция города Вильнюса

Все было хорошо, пока Янина шла через двор, белый от вишневого цвета, разглядывая пестрые пропеллеры, развешенные на столбах вместо фонарей. Даже три старухи, несущие вахту на лавке, ее не насторожили – ну, бабки, подумаешь, надо же им где-то сидеть, а что вид неприветливый, так в их возрасте почти все так выглядят, особенно в сумерках.

Она не устояла перед искушением, уже в подворотне обернулась и показала зловещей троице язык, а потом побежала, разгоняясь, чтобы взлететь, в таком настроении это обычно сразу получается, но сейчас не вышло – ноги налились свинцом и словно бы прилипли к земле. При этом они не стояли на месте, а продолжали идти каким-то неведомым, самостоятельно выбранным маршрутом; Янина не знала, куда направляется, а они, похоже, знали, и как же ей это не нравилось.

Двор с вертушками и старухами находился, по ее ощущениям, где-то на спуске с холма, между улицами Басанавичюс и Калинауско, однако вышла Янина возле центрального рынка, и сердце ее сжалось в маленький, твердый, зеленый, как неспелое яблоко (цвет она ощущала как-то особенно отчетливо), комок, тяжелый и вязкий, как пластилин. Обычно в это место ее заманивали хитростью, здесь назначали свидания любимые, сюда ее приводили за руку друзья, в этом направлении всегда бежали сорвавшиеся с поводка щенки и летели бабочки, которых ей поручали пасти. Но сегодня обошлось без ухищрений, Янину предали собственные ноги. Теперь они вероломно шагали по направлению к троллейбусной остановке. Минуты не пройдет, и Янина будет стоять там по стойке «смирно», лицом к проезжей части, не в силах заставить себя уйти или хотя бы обернуться и посмотреть в глаза убийце. Не то чтобы она верила, будто это может помочь, а все-таки хотела попробовать, но до сих пор ни разу не получилось.

Воздух стал густым и тошнотворно сладким, кислый запах страха Янины смешался с терпким звериным ароматом невидимого убийцы, и это интимное соединение телесных испарений было, кажется, хуже всего, хотя в таком деле, конечно, все – хуже. Янина содрогнулась от омерзения, попыталась повернуть или хотя бы остановиться, но ноги по-прежнему шли вперед, ей не удалось даже замедлить шаг, и тогда она наконец закричала от ужаса и отчаяния, но так и не проснулась. Ей никогда не удавалось проснуться от собственного крика. Наоборот, начиная кричать, Янина еще глубже увязала во сне, как в трясине, – похоже, здесь действовало поганое болотное правило: не трепыхайся, тогда проживешь на целых три минуты дольше. Может быть.

До троллейбусной остановки оставалось всего несколько шагов, когда Янина услышала стук. Она встрепелась, прислушалась и вдруг, о чудо, застыла на месте, так и не переступив роковую, черт бы ее побрал, черту. Стук становился громче, теперь он грохотал повсюду – впереди, позади, в небе и под землей, гудел в Янининой голове, вибрировал в животе, заполнил ее тело, и когда оказалось, что там больше не осталось свободного места, Янина взорвалась, и глаза ее наконец открылись.

Она не вскочила, а выкатилась из постели на ковер, уткнулась лицом в его колючий ворс и только тогда осознала: спасена. На этот раз – спасена.

А потом Янина поняла, что стук раздается по-прежнему. И ладно бы просто стук – дверь ее, того гляди, вот-вот слетит с петель.

За окном чернильная тьма безлунной ночи начала наливаться свинцово-синим предрасветным мраком. Значит, где-то около шести утра. Кого, интересно, принесло в такую рань? В любом случае благослови его Боже!

Янина встала на все еще непослушные ноги, набросила поверх пижамы старое вязаное пальто, заменявшее ей домашний халат, и поковыляла к двери.

– Кто там?

– Это полиция, – ответил женский голос. – У вас все в порядке? Мы проходили мимо и слышали крики...

– Понимаю. Это я кричала, – сказала Янина. – Подождите, я открою. Сейчас.

Их было двое: худенькая остроносая молодая женщина с очень густыми каштановыми волосами, подстриженными и уложенными так неудачно, что они больше походили на огромную валяную шапку, чем на прическу, и седой мужчина лет пятидесяти, по-крестьянски кряжистый, флегматичный и основательный. Они с недоверчивым удивлением разглядывали сияющую Янину, которая сбивчиво повторяла:

– Спасибо! Спасибо вам, что зашли! Такое спасибо!

– А что случилось-то? – настороженно спросила женщина. Перейдя на шепот, уточнила: – В доме еще кто-то есть? – И, поколебавшись, почти не размыкая губ, добавила: – Муж?

– Нет-нет, никакого мужа. Я одна живу. И сейчас одна. Это я во сне кричала. Кошмар приснился. Очень страшный сон. А вы слышали, пришли и разбудили, спасибо вам за это... А знаете что? Давайте я вас кофе напою. Хотите?

Полицейские изумленно переглянулись и снова недоверчиво уставились на Янину.

– Я просто еще боюсь оставаться одна, – честно сказала она. – А вы, наверное, всю ночь дежурили, кофе не помешает. Правда же?

– Не помешает, – наконец решил мужчина.

А женщина просто улыбнулась.

Янина тоже заулыбалась в ответ и метнулась на кухню, бормоча:

– Проходите-проходите, разуваться не надо, я сейчас, я быстро-быстро, вот увидите.

Поставила джезvu на самую мощную конфорку – не по правилам, конечно, хороший кофе надо томить на медленном огне, чем дольше, тем лучше, но сейчас, честно говоря, сойдет и просто умеренно неплохой. Не до жиру.

Полицейские нерешительно остановились на пороге кухни.

– Садитесь, садитесь! – затараторила Янина. – В кресло или на диван, все равно, куда нравится... Вы все-таки разулись? Ой зря, не надо было! У меня тапочек нет...

– Ноги устали, – сказала женщина. – Вроде удобные туфли, но я их только второй раз надела. И уже часов семь не снимала. Мне сейчас разуться даже нужнее, чем кофе.

– Нехорошо в обуви на кухню, – добавил мужчина. – Обувь грязная, а на кухне еду готовят.

Он сел в кресло, его напарница с ногами залезла на диван, достала сигареты и нерешительно посмотрела на Янину.

– Курите, курите, я сама тут курю, – закивала она.

Женщина чиркнула зажигалкой, жадно затянулась дымом и наконец представилась:

– Меня зовут Таня.

– А меня Альгирдас, – сообщил ее напарник.

– А я Янина. И наш кофе уже почти готов. Еще минуточку.

– Да вы не спешите, пани Янина, – хором сказали полицейские.

– Будем считать, что все это время мы делали обыск в вашей квартире, – добавила Таня. – Искали злоумышленника. Но так и не нашли.

– Найдешь его, как же, – вздохнула Янина. – Он, зараза такая, во сне остался. И ужас в том, что рано или поздно я снова *туда* засну.

Она разлила кофе по пестрым керамическим стаканам, привезенным когда-то из Гранады, поставила на стол сахарницу, достала из холодильника сливки, заглянула в буфет – порой там можно обнаружить какой-нибудь отбившийся от рук шоколад. И сейчас он, к счастью, нашелся – белый, с орехами. Янина раздробила плитку на мелкие осколки, чтобы гостям было удобно их брать, села на диван рядом с Таней, закурила и только тогда окончательно поверила,

что проснулась. И чуть не заплакала от облегчения и одновременно от жалости к себе. Теперь, когда страх был побежден, на Янину навалилась усталость. Неудивительно – и трех часов не поспала. И ясно, что больше уже не получится. День, можно считать, пропал, в таком состоянии много не поработаешь.

– Снова *туда* заснете? – переспросил Альгирдас. – То есть этот сон вам регулярно снится?

– Вот именно, – подтвердила Янина. – Чуть ли не с детства. В первый раз он мне приснился в четырнадцать лет, это я очень хорошо помню. Так перепугалась, что на Центральный рынок потом много лет не ходила, только на Кальварийский, хотя он гораздо дальше. Теперь, конечно, и на Центральный хожу, наяву-то он совсем не страшный. Хотя все равно неприятно...

– Что-то плохое всегда происходит с вами на Центральном рынке, я правильно понимаю? – деловито уточнила Таня.

– Не совсем там, но рядом. На троллейбусной остановке на Пилимо.

– Ясно, – кивнула Таня. Достала блокнот и принялась конспектировать Янинины показания.

Янина открыла было рот, чтобы спросить, зачем записывать, это же просто сон, но постеснялась и промолчала. Ну надо человеку. Может быть, эта Таня на психоаналитика учится в свободное от службы время. И как раз сейчас пишет курсовую про страшные сны городских жителей. Можно считать это большой удачей. Янина давно ждала случая выговориться. Близким как-то неловко эту чепуху рассказывать, а чужим людям, да еще и полицейским – в самый раз. Полицейские – это даже лучше, чем, скажем, попутчики. Их, пожалуй, ничем не смутишь, всякого навидались.

– Меня на этой остановке все время убивают, – пожаловалась она. – То есть по-настоящему убили только в первый раз, ножом в спину, и это было так ужасно! Я имею в виду не удар, а то, что за ним последовало, процесс умирания. Как будто меня жевали, вернее, перемалывали в мясорубке. Не тело, конечно, а – *меня*. Душу, что ли? В общем, не знаю, как сказать. *То, что я на самом деле собой представляю*. И сознание вытекало из меня, как сок. Постепенно. Медленно-медленно. Это было гораздо хуже физической боли, хуже вообще всего на свете... нет, я не смогу внятно объяснить. Это продолжалось так долго, что мне показалось – всегда, я почти забыла, что когда-то была жива и со мной происходили другие вещи, самые разные, приятные и не очень, но – *другие*... Неважно. Главное, что в тот раз меня все-таки разбудили. Папа проснулся, стал искать очки, зашел в мою комнату, спросонок задел книжную полку, все попадало, и от грохота я проснулась. Еле живая, руки-ноги ледяные, давление нулевое, сердце почти не билось, родители даже «скорую» вызывать хотели, но обошлось, я как-то сама ожила. И потом несколько дней боялась засыпать. Но усталость, конечно, взяла свое, и кошмаров больше не было, по крайней мере, этого, про убийцу на троллейбусной остановке, не было несколько лет. А потом сон повторился, только до убийства не дошло, я тогда уже более-менее взрослая была, ночевала у мальчика, он меня очень вовремя разбудил, спасибо ему... И с тех пор мне эта дрянь время от времени снится, раз в год, иногда чаще – как я иду мимо Центрального рынка, подхожу к троллейбусной остановке, а там уже ждет убийца с ножом. И я вспоминаю, что сейчас случится, но убежать не могу, ноги не слушаются, и тогда я начинаю кричать. Обычно на этом месте меня кто-нибудь будит, я просыпаюсь в холодном поту – и все, свободна. На какое-то время. До следующей серии.

Янина остановилась, перевела дух и опасливо покосилась на полицейских. Что они теперь считают ее идиоткой – это ничего, нормально, даже хорошо. Лишь бы не решили, что ситуация требует медицинского вмешательства. И не приняли меры.

Но во взорах полицейских она не обнаружила ничего, кроме сочувствия, причем скорее профессионального, чем человеческого. Так обычно смотрят на жен алкоголиков и матерей

трудных подростков – дескать, жалко вас, пани, но таких, как вы, увы, много и помочь вам всем способен разве что Господь Бог, а уж никак не правоохранительные органы. Хотя мы, конечно, сделаем что можем.

– Ужасный сон, – наконец вздохнула Таня. – Действительно ужасный. Как вы спать одна решаетесь?

Янина пожала плечами:

– Я не то чтобы «решаюсь». Просто так сложилось. Не могу же я спать с кем попало, даже ради безопасности. Пробовала когда-то, думаете, нет? Очень не понравилось... А тот, который не кто попало, живет в другом городе. У него там работа. У меня тут. Ничего не поделаешь.

– Работа – это да, – авторитетно кивнул Альгирдас. – Такое дело. Работой в наше время не бросаются.

Помолчали.

– К сожалению, нам уже давно пора, – сказала Таня, с явной неохотой покидая гостеприимный диван. – Спасибо вам за кофе. И попробуйте еще немного поспать. Сами же говорите, этот кошмар вам редко снится. Так что сейчас бояться нечего, да?

– Мне почему-то кажется, что если я засну прямо сейчас, то *вернусь* на эту проклятую остановку, – вздохнула Янина. – А если попозже, то уже, наверное, не вернусь. Как будто есть какая-то невидимая дверь, ведущая прямо *туда*. И она еще открыта, а какое-то время спустя как-нибудь сама захлопнется. Глупости, конечно, но лучше я потерплю до вечера. Чтобы уж наверняка.

– А все-таки поспать вам бы не помешало, – заметил Альгирдас. И с отцовской заботой, замаскированной под строгость, добавил: – Вы же не просто бледная, вы зеленая. Краше в гроб кладут.

Но Янина не стала ложиться в гроб, а, напротив, по пояс высунулась в окно и долго махала своим новым знакомым, пока они не свернули за угол. И только тогда почувствовала, что осталась одна. Но страшно ей уже не было. Чего ж тут страшного, если не засыпать? А засыпать-то мы и не будем, пообещала она себе. Мы сейчас сварим еще кофе и с книжкой под одеяло... А еще лучше будет одеться и пойти в парк. На ходу я точно не засну. Я и сидя-то спать толком не умею, в автобусе вечно мучаюсь... Да, пойти погулять – это самое надежное.

Она сняла вязаное пальто и пижаму, ежась от холода, натянула свитер и носки, взяла джинсы и, прижимая их к груди, рухнула на постель как подкошенная. Ноги отказывались повиноваться, в ушах звенел сладостный, убаюкивающий гул. Какой уж тут парк.

Сейчас, сейчас, говорила себе Янина. Вот только одну минуточку полежу и сразу встану. И сварю еще кофе. И потом пойду. Ух как я пойду!

Глаза ее тем временем закрылись. Джинсы, с которыми она обнималась, были тяжелые и теплые, так что в какой-то момент Янине показалось – она больше не одна. И значит, можно немножко поспать. Буквально минуточку. Совсем чуть-чуть.

Когда Янина говорила: «Если я засну прямо сейчас, то вернусь на эту проклятую остановку», – она сама не очень-то верила в такую возможность. Боялась, да, но страх – чувство иррациональное, пробудившись после очередного кошмара, она поначалу вообще всего боялась, а потом снова почти ничего, как всегда.

Когда Янина представляла себе, что после ее пробуждения в спальне появляются невидимые открытые двери, ведущие обратно, в сон, и на то, чтобы они закрылись, требуется какое-то время, ей самой казалось, что это – просто причудливая игра воображения, нелепая фантазия, неожиданно звонкое эхо давнего юношеского увлечения сочинительством фантастических историй. В конце концов, любой сон – это то, что происходит у нас в голове, говорила она себе. Значит, и дверь в голову, а это, считай, нигде, просто образ, причем не то чтобы очень удачный.

Однако на сей раз здравый смысл был посрамлен.

Почувствовав, что уже почти заснула, Янина вздрогнула, открыла глаза и обнаружила, что снова стоит на улице Пилимо, возле Центрального рынка, всего в нескольких шагах от проклятой троллейбусной остановки. В свитере и носках, прижимая к груди джинсы, то есть точно в таком же виде, как заснула, и это испугало ее больше всего. До сих пор ничего подобного не случилось, по крайней мере, Янина не могла припомнить, чтобы ей приходилось слоняться по своим сновидениям голышом или, скажем, в пижаме. А то бы давно завела привычку засыпать при полном параде, причесавшись и наложив макияж.

Подвывая от страха, Янина принялась натягивать джинсы. Без штанов, с голыми ногами она чувствовала себя слишком жалкой и беззащитной. Нельзя сказать, что джинсы коренным образом изменили такое положение вещей, но пока Янина их надевала, она свято верила, что это вполне может произойти. И еще, конечно, надеялась, что проснется от предпринятых усилий, но ничего не вышло. Болото, проклятое болото, в отчаянии думала она, чем больше трепыхаешься, тем быстрее идешь ко дну.

Впрочем, сейчас Янина оставалась на месте. Не сделала ни шагу из тех пяти или шести, что отделяли ее от зеленой лавки под жестяным навесом, соседствующей с ней афишной тумбы и монументальной каменной урны в форме разевающего пасть льва; наяву такой, конечно же, не было, и ее присутствие, похоже, оставалось единственным отличием этой троллейбусной остановки от *настоящей*.

Лучше всего было бы убежать отсюда куда глаза глядят, но об этом не могло быть и речи. Ноги отказывались повиноваться, в этом сне они всегда сами решали, что делать, а интересы и намерения хозяйки были ногам до того самого места, откуда они, мерзавцы такие, росли.

В принципе, а что помешает убийце самому подойти поближе? – тоскливо думала Янина. Правильно, ничего. Зато на этот раз я его наконец увижу. И возможно, так перепугаюсь, что наделаю в штаны, зря я, что ли, их надевала. И вот тогда уж точно проснусь. Но, скорее всего, просто заору. И буду орать, пока кто-нибудь не разбудит. Хоть бы соседи в стенку постучали. Интересно, кстати, почему они никогда не стучат? Неужели их мои вопли совершенно не беспокоят? Немыслимо.

Занятая размышлениями, она неожиданно успокоилась – насколько вообще можно успокоиться в подобных обстоятельствах. И не закричала, а только зябко поежилась, когда увидела, как от афишной тумбы отделилась длинная гибкая тень, вернее, силуэт высокого человека, наделенного пластикой танцора. Широкие плечи, худые руки, длинные ноги, волосы собраны в хвост; лица пока не разглядеть, но и так понятно, что хорош, гад. Очень хорош. До сих пор Янина была уверена, что на нее охотится чудовище; она, впрочем, и сейчас так думала, но не могла не признать, что это чудовище выглядит чрезвычайно привлекательно. Так, наверное, лучше, беспомощно думала она. – Если бы он оказался уродом, мне было бы еще и противно. А так – только страшно. Но когда я его не видела, только слышала шаги за спиной, было гораздо страшнее...

– Ни с места! – женский голос, да такой звонкий, что с деревьев посыпались багряные листья и белые цветочные лепестки.

Гибкий красавец содрогнулся и как-то резко уменьшился в размерах. Теперь он казался подростком, по крайней мере издалека.

– Это полиция. Стоять. Руки за голову. А теперь, пожалуйста, бросьте ваше оружие на землю, – сказал другой голос, мужской.

Он звучал так флегматично, словно арестованный был, скажем, семьдесят третьим по счету на этой неделе.

Янина смотрела во все глаза, как двое полицейских надевают наручники на человечка, столь маленького и жалкого, что, будь она просто случайной прохожей, рассказывала бы потом знакомым, как сволочи полицейские истязают дошкольников, Бога не боятся, никто им не указ.

В этом сне всегда царили густые, мутные предрассветные сумерки, но все же Янина явственно различала в полумраке светлые волосы мужчины и огромную шапку на голове женщины. Все-таки у Тани очень неудачная стрижка, подумала она перед тем, как проснуться.

Другие истории

Джингл-КО

– Когда в прошлом году ты наотрез отказался изучать право и, вопреки здравому смыслу и нашим с мамой советам, все-таки поступил в этот свой дурацкий дизайнерский колледж... – безглаголиво поджав губы, говорил мистер Джи Кей Бринкин.

«Бу-бу-бу, – думал Артур, – бу-бу-бу. Бу-бу! Бу-бу-бу-бу-бу». Такой, с позволения сказать, синхронный перевод всегда развлекал и поддерживал его в ходе переговоров с отцом.

Сейчас Артур страшно жалел, что принял приглашение родителей и приехал на каникулы домой. «Хорошо, что еще не разобрал рюкзак, – думал он. – По крайней мере, собирать не придется. А на что я, собственно, рассчитывал? Что этот зануда внезапно познал дао и вызвал меня, желая срочно передать наследнику сей мистический опыт?.. Ладно, ладно, сам дурак, больше не повторится, а теперь надо рвать отсюда когти. И пусть сладкий папочка поцелует мою сладкую задницу; сладкая мамочка может присоединиться, если пожелает».

– ...я наконец-то понял, что с тобой вполне можно иметь дело, – неожиданно закончил отец. – По крайней мере, ты не из тех никчемных простофиль, которые в восемнадцать лет продолжают слушаться родителей. Приятный сюрприз.

– Чего? – изумленно переспросил Артур. Он ушам своим не верил. – Это ты меня хвалишь?

– Можешь считать, что хвалю, – ухмыльнулся мистер Бринкин. – А может быть, просто дразню. Я пока сам не решил.

Такой улыбки, жизнерадостной и недоброй одновременно, Артур никогда прежде не видел, даже в кино. И уж тем более не на отцовской физиономии, выражение которой на его памяти менялось всего несколько раз, причем исключительно с бесстрастного на недовольное.

– Мне, видишь ли, до одного места, где ты учишься и кем собираешься стать, – говорил отец. – Конечно, дизайнеров сейчас развелось больше, чем мусора, из которого вы мастерите свои нелепые поделки, но меня это не касается. Твои проблемы. Я рад, что ты проявил упрямство, уехал из дома и поступил в этот свой колледж. Как ты зарабатывал на жизнь и учебу, я не знаю и знать не хочу, главное, что у меня не клянчил. Я думал, такие самостоятельные дети теперь исключительно в книжках встречаются... Ладно, а теперь давай поговорим откровенно. Вот ты проучился там целый год. Тебе по-прежнему кажется, что промышленный дизайн – это интересно? Хочешь заниматься этим дальше?

– Ну да, – буркнул Артур. – А то бы я бросил. У нас, знаешь ли, не принято преследовать отступников.

– Надо же, – пожал плечами мистер Бринкин. – Ну хорошо. Какие-то способности к этому делу у тебя, насколько я могу судить, есть, желание тоже, даже характер, как выяснилось, имеется. Сейчас проверим, есть ли у тебя удача. Без нее все остальное псу под хвост, такую уж дурацкую профессию ты выбрал.

– Вот интересно. А как это мы проверим? – опешил Артур.

– Как, как... Разрежем тебя и посмотрим. Ну что ты на меня так уставился? Шучу я, шучу. Есть и другие способы.

Отец немного повозился с сейфом и извлек оттуда старую деревянную шкатулку. Поставил на стол, открыл. В шкатулке лежали игральные кости, несколько дюжин кубиков разных цветов и размеров.

– Выбирай сам, – сказал он. – Пару для себя, пару для меня.

Артур глядел на содержимое шкатулки как зачарованный. Кто бы мог подумать, что в отцовском сейфе хранятся такие занятные штуки.

– Вот я, к примеру, очень везучий, – говорил тем временем мистер Бринкин. – Этого никто не знает, тебе первому рассказываю: свой стартовый капитал я добыл именно игрой. Не самый надежный способ, но я хотел быстро. Только это и было тогда важно.

– Так мы будем играть? – изумленно спросил сын.

К этому моменту Артур был почти уверен, что спит и видит сон. Это казалось ему единственным разумным объяснением. Но кости он все-таки выбрал. Ярко-красные деревянные кубики для себя и синие из муранского стекла для отца.

– «Играть» – это громко сказано. Просто бросим кости, каждый свою пару. Если ты везучий, выиграешь. И тогда все у тебя будет хорошо. По крайней мере, я оплачу твою учебу, даже если ты на радостях сменишь свой задрипанный колледж на какое-нибудь модное заведение для начинающих снобов... Где такие есть, не знаешь? Небось в Лондоне.

– Ну да, в частности, – смущенно кивнул Артур.

Он-то, конечно, с самого начала хотел учиться именно в Лондоне. Но губу особо не раскатывал даже до ссоры с родителями, которые, как выяснилось год назад, с какого-то перепугу решили, что их сын должен изучать юриспруденцию, экономику или еще какую-нибудь муторную хренотень в таком роде, все равно что, лишь бы тошнило.

– Короче, если выиграешь, учись за мой счет где захочешь, столько лет, сколько понадобится. А если проиграешь, все останется как есть. По-моему, это прекрасное предложение. Ты в любом случае ничего не теряешь. Я, впрочем, тоже ничего, кроме денег, но чем меньше их у меня останется, тем проще будет пересчитывать, а мой калькулятор как раз сломался, так что все к лучшему... Хочешь, бросим кости одновременно? Или предпочитаешь по очереди?

– Давай одновременно. Чтобы нервы зря не трепать.

– Согласен.

Красные кубики Артура легли в центре стола. Он выбросил две пятерки. Отец кинул кости с таким азартным размахом, что один синий стеклянный кубик укатился на край стола, а другой и вовсе улетел за его пределы.

– О, да у тебя шикарный дубль, – весело сказал мистер Бринкин. – А у меня? На этом тройка. А на втором? Вряд ли это имеет значение, но все равно интересно.

Он заглянул под стол, поворошил ногой ковер вокруг кресла, наконец достал второй кубик, положил его на стол и пожал плечами.

– Как видишь, шестерка. Но все равно я продул. Ты действительно везучий. Даже слишком. Что и требовалось доказать.

– И что теперь? – настороженно спросил Артур.

Зная отца, он не спешил радоваться. Не человек, а шкатулка с сюрпризами, по большей части неприятными, всегда так было. Хуже тирана с воображением может быть только тиран с безграничным воображением, а мистер Бринкин, безусловно, принадлежал именно к этой редкой породе.

– Как – что? Мы же договорились. Сейчас позвоню Ларри, попрошу его заняться переводом средств на твой счет. Думаю, к обеду все будет улажено; придется его пригласить, чтобы он передал тебе документы и все объяснил. А дальше живи как хочешь. До сих пор у тебя это худо-бедно получалось, так что не вижу проблем.

– Все так просто? – Артур ушам своим не верил.

– Все и должно быть просто. Ты честно выиграл эти деньги, я честно расплатился. Зачем усложнять? А теперь иди, мне надо работать.

– Спасибо, – растерянно сказал Артур.

– Не за что. Ты мне ничем не обязан. Это твой выигрыш.

– Ну, по крайней мере, ты дал мне шанс выиграть. В смысле, если бы ты не предложил сыграть, я бы не смог выиграть.

– А, ну да, шанс. Но это обычное дело. Отношения между людьми представляют собой бесконечную череду попыток дать друг другу какой-нибудь шанс, по большей части тщетных... Кстати, знаешь, мне все-таки любопытно, чем ты весь год зарабатывал на учебу. Если это не секрет, конечно.

– Выступал в мужском стриптизе, – выпалил Артур.

Он сам не знал, какой черт дернул его за язык. Зачем дразнить отца в такой момент? Но удержаться было просто невозможно.

– Вот прекрасная иллюстрация к моим словам. Я только что дал тебе шанс соврать, и ты им воспользовался, молодец, – ухмыльнулся мистер Бринкин. – В то же самое время ты дал мне восхитительный шанс поверить в совершенно немыслимую ахинею, но я им, увы, не воспользовался. Объясню почему. После трех-четырех лет в спортзале у тебя, возможно, появятся минимальные шансы преуспеть в этой благородной профессии, а пока – извини. Впрочем, если хочешь, можешь опробовать свою версию на матери. Небольшая встряска ей не повредит. А теперь прости, я правда очень занят. Так что шанс похвастаться передо мной своими реальными достижениями ты упустил безвозвратно. Но это мы оба, не сомневаюсь, переживем.

Совершенно ошалевший Артур наконец выкатился из кабинета. Его отец запер дверь на ключ, уселся в кресло и фыркнул, как огромный кот, который только что поперхнулся краденой сметаной и еще не успел разобраться, нравится ему это или нет. «Мужской стриптиз, надо же! – думал он, силясь вообразить тощего долговязого Артура на сцене, в расшитых блестками плавках. – Что у этого ребенка в голове?.. Ничего, зато он, кажется, действительно везучий, дубль выкинул, ишь ты! Я его недооценил. Можно было расслабиться и не мухлевать, но кто же знал?»

Мистер Бринкин достал из портсигара черную английскую сигарету с золотым ободком, закурил и взял телефонную трубку.

– Ларри, – сказал он своему старинному приятелю и по совместительству личному адвокату, – ты мне сегодня нужен. Артур приехал. Ну да, да. Именно. Жду тебя в шесть. Поговоришь с ним, отдашь бумаги; если захочешь остаться на обед, Клара будет рада, чем больше жертв, тем приятнее отравителю... Да, только не вздумай рассказать, что я сделал распоряжения еще полгода назад. Мальчик должен быть уверен, что все случилось только сегодня. Это очень важно. Слава богу, он не знает, что за пару часов такие дела не делаются.

* * *

За обеденным столом собралась довольно большая компания. Клара Бринкин, в девичестве Ливингстон, все еще тешила себя надеждой спасти заблудшую сыновнюю душу от сумрачных соблазнов промышленного дизайнера и вызвала подкрепление – младшего брата Джонатана, которому почему-то приписывала мистическую способность влиять на племянника. Сам Джонатан на свой счет не обольщался, но прибыл в назначенный час в сопровождении ослепительно рыжей, длинноногой жены Майры, урожденной О'Салливан, и четырех крошечных дочерей, которые немедленно облепили мистера Бринкина. Он, к изумлению окружающих, был их любимцем и, к еще большему изумлению все тех же окружающих, отвечал девочкам полной взаимностью, называл «лисичками», придумывал для них увлекательные игры и завиральные истории и вообще баловал как мог.

Артур, совершенно оглушенный свалившейся на него удачей, сидел, уставившись в белоснежную тарелку, и умирал от желания немедленно нарисовать на ней маки, алый, зеленый и черный. «Надо бы сделать эскиз, – думал он, – взять салфетку и набросать, но в кармане

только черный маркер, а эскиз лучше сразу делать в цвете, рисовать контур бессмысленно, здесь важен цвет, а не форма...»

Адвокат Ларри Кроу сидел рядом и тоже умирал от желания, которое всегда испытывал в присутствии Клары, а тут еще ее сын, который с возрастом становился все более точной копией матери, и как, спрашивается, сохранить рассудок в одном помещении с этими двоими?! «Возжелать жену ближнего своего – обычное дело, – думал Ларри, – все через это проходят или почти все, а вот возжелать сына ближнего своего – это уже ни в какие ворота, хоть бы он поскорее уехал, чертов мальчишка, новоиспеченный маленький богач, а то ходить к Бринкиным станет совсем невозможно, и как, интересно, я объясню это Джи Кею?»

Джи Кей Бринкин тем временем с отвращением разглядывал изумрудно-зеленую поверхность супа из протертого шпината и думал: «Удивительное дело, близкие считают меня взбалмошным тираном, а Клару – кротким ангелом, тем не менее мне бы никогда не пришло в голову подавать шпинатный суп в доме человека, который его ненавидит, а Клара уже столько лет с упорством, достойным лучшего применения, пытается накормить меня этой дрянью. Поразительно. Просто поразительно».

Малышки Ливингстон, надо сказать, взирали на своим тарелки с еще большим отвращением, к которому примешивались удивление и даже испуг. Их можно было понять: девочки видели шпинатный суп впервые в жизни. Мистер Бринкин решил, что обязан прийти им на помощь.

– Вам не нравится этот зеленый суп, лисички? – спросил он. – Тем не менее это просто замечательный суп. Самый лучший в мире суп, если, конечно, использовать его по назначению.

Он взял салфетку, сложил ее пополам, загнул углы, еще раз сложил, страшным голосом прорычал: «Абракадабра!» – и аккуратно опустил белоснежный бумажный кораблик на гладкую поверхность зеленого шпинатного болота.

– В мире вообще нет плохих вещей, – наизидательно сказал он. – Зато есть великое множество вещей, которые используются не по назначению. Вот, к примеру, этот суп. Если мы станем его есть, он покажется нам ужасным. Но посмотрите, какое красивое море из него получилось! Самое время отправиться в плавание.

Если бы ангел Клара обладала способностью убивать взглядом, мистер Джи Кей Бринкин тут же упал бы замертво. Но, к счастью, она так и не выучилась этому чрезвычайно полезному фокусу, поэтому обошлось без жертв.

Кандидат в покойники тем временем смастерил и отправил в плавание второй кораблик. Лисички Ливингстон визжали от счастья. Их мать косилась на побледневшую от злости золовку, прикусив губу, чтобы не расхохотаться. Добродушный Джонатан заранее прикидывал, как будет мирить сестру с мужем, зато на лице Ларри читалось искреннее желание арестовать всех присутствующих, тут же выпустить под залог и немедленно выслать на Аляску в рамках программы защиты свидетелей. Артур вдруг оживился и сказал отцу:

– погоди. Можно сделать еще красивее.

Оторвал треугольный лоскут от бумажной салфетки, наколол его на деревянную зубочистку, воткнул зубочистку в хлебную корку, и изящный парусник закачался на шпинатных волнах.

– Проект утвержден, с тебя еще три таких же, – кивнул отец. – Дети, вы запомнили, как это делается? – спросил он взволнованных лисичек.

Старшая и самая младшая девочки горячо закивали, их сестры, напротив, отрицательно помотали рыжими головками.

– Артур, будь добр, устрой мастер-класс для юных леди, – распорядился мистер Бринкин. – Они должны покинуть наш дом опытными кораблестроителями. И будем считать, что с супом мы разобрались. Можно подавать настоящую человеческую еду.

Клара, опустив голову, разглядывала свою белоснежную скатерть. Скатерть дымилась.

* * *

– А теперь – фейерверк, – объявил мистер Бринкин, отодвигая тарелку с остатками вишневого пирога.

Лисички Ливингстон дружно заверещали от полноты чувств. Взрослые усталились на хозяина дома с нескрываемой тревогой. Никто не сомневался, что он вполне способен запустить петарду прямо из-под стола, а потом сурово отчитать всех присутствующих за неподобающее поведение за обедом.

– Да не здесь, на улице, – ухмыльнулся мистер Бринкин. – Когда Клара сказала, что придут девочки, я подумал, что дети любят фейерверки, а до Дня независимости еще далеко, поэтому я позвонил специалистам и обо всем договорился. Фейерверк состоится через полчаса, только для нас, в овраге за ясеновой рощей, поэтому одевайтесь, пошли. Здесь рядом.

– Я, с твоего позволения, останусь дома, – сухо сказала Клара.

– И речи быть не может! – с несвойственной ему горячностью воскликнул муж. – Один залп будет сделан специально в твою честь, и если ты останешься недовольна, я съем свою шляпу, а потом твои новые туфли, на закуску.

– Ну ладно, – удивленно согласилась Клара. – Если тебе кажется...

– Мне кажется! – твердо сказал мистер Бринкин. – Более того, я совершенно уверен. Одевайся!

Несколько минут спустя вся компания стояла у парадных ворот, а мистер Бринкин взирал на них с крыльца с видом полководца.

– Ну что, вперед?..

– А ты так и пойдешь? В рубашке, без пиджака? – нерешительно спросила Клара. – Я знаю, что ты никогда не мерзнешь, но вид у тебя, прямо скажем, довольно странный.

Она уже приготовилась к долгому, изматывающему и совершенно бессмысленному спору, но муж неожиданно кивнул.

– Ты совершенно права. Дурацкий вид. Сейчас исправлюсь.

И он скрылся в доме.

– С ума сойти, – вздохнула Клара. – Сразу согласился. Впервые за двадцать лет. Заболел, что ли?

Несколько минут спустя она начала думать, что Джи Кей просто изобрел новый способ ей досадить. Надеть пиджак – секундное дело. Если одеваться очень тщательно, оглядывая себя со всех сторон в зеркале, чего ее муж никогда прежде не проделывал, можно уложиться в две минуты. Так нет же, теперь этот чертов засранец будет надевать свой чертов сраный пиджак чертовы сраные полчаса, исключительно ради удовольствия ей досадить.

Клара была слишком хорошо воспитана, чтобы сказать все это вслух. Но порой ей казалось, она думает так громко, что муж превосходно ее слышит. И если бы только он! Вот и сейчас брат Джонатан сочувственно ей подмигнул.

– Ну что ты дергаешься, сестренка. Это же наш Джи Кей. Как будто ты его первый день знаешь. Сейчас он появится на крыше и невозмутимо скажет, что случайно ошибся дверью. Или вывалится из окна гостиной, притворившись мертвецки пьяным. Или выведет из подвала школьный хор, исполняющий рождественские гимны. Или еще что-нибудь. Сюрприз, сюрприз!.. Да, я понимаю, что тебе изрядно поднадоели сюрпризы.

Клара только передернула плечами. «Наш Джи Кей», подумать только. Брат честно старался оставаться на ее стороне, но она видела, что с годами ему все труднее скрывать возрастающую симпатию к зятю.

Так прошло еще четверть часа. Клара злилась, Джонатан с нетерпением ждал сюрприза, Ларри с досадой смотрел на часы, Артур, который так и не успел сделать вожаденный эскиз,

напряженно вглядывался в разноцветные маки, полыхающие перед его внутренним взором, выводок лисичек Ливингстон, включая маму Майру, решил развлечься игрой в пятнашки и теперь с азартными воплями носился вдоль забора.

– Надо бы все-таки поторопить его, – наконец сказал Ларри. – Сам затеял этот фейерверк, а теперь тянет время. Опоздаем, все пропустим. Мне, положим, все равно, а вот дети...

И тут небо над их головами с грохотом взорвалось изумрудно-зелеными, как недоброй памяти шпинатный суп, сияющими брызгами. Тут же последовал новый залп, алые огни смешались с зелеными и, стремительно лилового, с шипением посыпались на землю.

– Джи Кей говорил, фейерверк будет в овраге, за рощей, а стреляют где-то совсем рядом, – заметил Джонатан.

– Ну а чего еще от него ждать? – пожал плечами Ларри. – Лично я с самого начала был уверен, что мы пойдем куда угодно, только не к оврагу.

В небе тем временем происходили поразительные вещи. Жалкая бледная звездочка стремительно разрасталась в огромную огненную спираль; вскоре она погасла, уступив место ультрамариновому дракону, а тот, в свою очередь, превратился в сияющее ярко-алое сердце, которое миг спустя разлетелось на несметное число кровавых брызг. Лисички Ливингстон онемели от восторга, чего с ними никогда прежде не случалось.

– Какое сердце! Это, наверное, и был тот самый специальный фейерверк для тебя, Клара, – Джонатан улыбался до ушей.

Клара пожалала плечами. Сердце в небе – что за немыслимая пошлятина. Даже для Джи Кея чересчур. А братец – сентиментальный болван, каких еще поискать.

– А дядя Джи Кей сейчас в Волшебной стране, – шепотом сообщила матери старшая из лисичек. Остальные девочки улыбались до ушей. Перспектива долгой разлуки с любимым дядюшкой их явно не огорчала.

– Почему вы так думаете? – спросила Майра.

– А он говорил, что, когда уйдет в Волшебную страну, мы увидим в небе синего дракона. Это значит, что у него все получилось, – объяснила дочь. Сестры подкрепили ее слова дружными кивками.

– Очень хорошо, – сказала Майра. – Но сперва надо проверить, может быть, он все-таки дома? Некоторые люди проводят в Волшебной стране один час, а возвращаются через сто лет. А некоторые – наоборот. И никогда заранее не знаешь...

«Господи, – подумала она, – вот смеху будет, если Джи Кей действительно исчез!» Однако смешно ей вовсе не было. Скорее жутковато, как в самом начале страшного сна, когда еще ничего особенного не происходит, но уже ясно, что дело плохо и лучше бы проснуться прямо сейчас.

– Я все-таки схожу за Джи Кеем. – Джонатан не мог слышать, о чем шептались его девочки, но тревога Майры передалась ему, так с ними часто случалось.

– Я с тобой, – сказал Ларри. «Мало ли что», – хотел добавить он, но благоразумно прикусил язык. Чего зря пугать Клару.

– И я, – восторженно воскликнул Артур.

Честно говоря, он просто решил воспользоваться предлогом и добраться наконец до своей комнаты, где лежали вожаемые цветные карандаши. Не видать ему покоя, пока он не нарисует эти чертовы маки, зато потом сразу отпустит и можно будет заняться другими делами, например, зайти в интернет и еще пару часов побродить по сайтам интересующих его учебных заведений, понять, что требуется для поступления и сколько у него осталось времени на подготовку. По идее, только об этом и надо сейчас думать, а не о дурацком эскизе, который вряд ли когда-нибудь пригодится, но тут уж ничего не поделаешь, сперва эскиз, потом все остальное. Артур хорошо знал это свое нелепое свойство и в глубине души ужасно им гордился, полагая такую одержимость отличительным свойством всякого настоящего художника.

* * *

– И эти пропали, – раздраженно заметила Клара несколько минут спустя. – Что они там делают? Пьянствуют, запершись в кладовой, пока мы тут мерзнем?

– Пошли в дом, – предложила Майра. – Фейерверк вроде закончился.

И в этот момент небо словно бы раскололось пополам – такой оглушительный грохот сопровождал появление в небе гигантской бабочки, составленной из множества разноцветных огней. Какое-то время она трепыхалась, изменяя цвет и форму крыльев, но постепенно побледнела и с обреченным шипением рассыпалась, запорошив пурпурным пеплом далекий горизонт.

– Я не знаю и знать не хочу, для кого было то идиотское сердце, – сухо сказала Клара. – Потому что для меня была вот эта бабочка. Теперь все более-менее понятно.

– Бабочка – для меня! – вмешалась одна из лисичек. – Потому что у меня есть карнавальный костюм бабочки, красные крылышки и шапочка с усиками. Для меня!

– Как скажешь, дорогая, – равнодушно согласилась Клара. – Пусть будет для тебя.

– Ты сердишься? – мягко спросила Майра. – И что тебе понятно? Бабочка – это плохо? Почему?

– У меня, видишь ли, фобия, – Клара перешла на шепот. – Ненавижу этих крылатых тварей, даже на картинке видеть не могу. И Бринкин прекрасно это знает.

Майра открыла было рот, чтобы сказать: «Наверное, он просто хотел показать тебе, что все наши страхи столь же недолговечны, как эта бабочка – сверкнула, громыкнула и погасла, нет ее, и больше не будет», – но решила, что лучше промолчать. И пошла в дом.

Как и предполагала Клара, мужчины – Ларри и Джонатан – действительно были в кладовой. Но вместо того чтобы пьянствовать, внимательно разглядывали дверь черного хода, ведущую в сад.

– Что-то случилось? – с порога спросила Майра.

– Мы не можем найти Джи Кея. – Джонатан развел руками. – Очень уж хорошо он спрятался.

– Или просто вышел из дома, – пожала плечами Клара. – Например, через эту дверь. Или из гостиной на веранду, а оттуда – в сад. Или из любого окна, он же лазает как обезьяна, вы не знали? Вариантов много.

– Конечно, ты права, – как-то чересчур поспешно согласился Ларри.

– Только одна проблема, – почти виновато вставил Джонатан. – Все окна заперты изнутри, мы уже смотрели. И дверь на веранду – тоже, на задвижку. И даже эта – на крючок. Не очень понятно, как он мог выйти.

– Ну хоть какая-то интрига, – вздохнула Клара. – Пойду, пожалуй, сварю кофе на всех. А девочкам – какао... Не нужно мне помогать, Майра. Прости, дорогая, я просто хочу собраться с мыслями, а для этого лучше побыть одной.

По гостиной с воплями носились маленькие лисички. Посреди этого хаоса восседал Артур с ноутбуком на коленях и такой довольной физиономией, что Майра на него почти рассердилась.

– Ты, вообще, в курсе, что твой отец пропал? – спросила она.

Артур улыбнулся еще шире.

– Пропал? Кто угодно, только не отец. Не такой он человек. Это все равно что сказать, будто луна пропала, заметив, что ее нет на небе. А она никуда не пропала, просто нам ее не видно, потому что новолуние, или затмение, или еще что-нибудь. Но луна-то при этом по-прежнему где-то есть и чувствует себя превосходно. А нам следует брать с нее пример. И не дергаться по пустякам.

– Так ты знаешь, где Джи Кей? – Майра перешла на заговорщический шепот.

– Понятия не имею. Но в чем я совершенно уверен, так это в том, что он в полном порядке.

– Пожалуй, ты прав, – подумав, согласилась Майра. – Я тоже не могу представить Джи Кея в беде. Кстати, девочки совершенно уверены, что он в Волшебной стране, представляешь? Он им, оказывается, заливал, что туда собирается. И обещал послать весточку в виде синего дракона. И ведь прислал. Ты же видел тот фейерверк?

– А, ну так это, наверное, специально для них спектакль, – почти беззвучно сказал Артур. – Тогда он не объявится, пока вы не уедете домой. А завтра зайдет к вам в гости с подарками, расскажет девчонкам, как гостил у фей, так и будет, попомни мои слова. – И он снова уткнулся в компьютер.

* * *

Он, конечно же, все продумал заранее. Просторная куртка и спортивные штаны, грязные, как помыслы одинокого педофила, давным-давно лежали в кладовой, среди промасленной ветоши и прочего хлама, натащенного сюда несколькими поколениями садовников и шоферов. Все это мистер Бринкин быстро надел прямо поверх брюк и рубашки – лохмотья они и есть лохмотья, никто не ждет, что тряпье будет элегантно облегать фигуру. Не разувааясь, сунул ноги в огромные тряпичные бахилы на резиновой подошве, которые еще в прошлом году выменял на полбутылки виски у какого-то бродяги в придорожной закусочной, за пять, что ли, сотен миль от дома. Там же, в гряде тряпья, отыскал дурацкую шапку с козырьком, способную изменить до неузнаваемости даже самое примечательное лицо. Критически оглядел свое отражение в дверном стекле, остался доволен и дружески ему подмигнул.

– Привет, Джингл-Ко, – сказал мистер Бринкин своему зазеркальному двойнику. – Как же я по тебе скучал!

– Хорош копаться, – ответил он себе высоким, ломким, почти мальчишеским голосом. – Пошли уже отсюда, пока не застучали.

Джингл-Ко открыл дверь черного хода, установил крючок в вертикальной позиции, вышел в сад и коротким, резким, многократно отрепетированным движением захлопнул дверь, одновременно с силой ударив ладонью по косяку. Стук слился с грохотом фейерверка. Крючок послушно упал в петлю. Джингл-Ко удовлетворенно кивнул и неторопливо направился к задней калитке. Дождя давно не было, так что наследить он не боялся, а в возможность появления полицейских с собаками не слишком верил. «Во всяком случае, не сегодня, – думал он. – И не завтра. С моей репутацией можно хоть на год исчезнуть, все будут думать, что это в порядке вещей. И к тому же такое облегчение!»

Когда он вышел за ограду, в небе над его головой как раз полыхал синим пламенем дракон, специально, за двойную плату, заказанный у пиротехников, на радость лисичкам Ливингстон.

Теперь бывший мистер Джи Кей Бринкин выглядел как безобидный бродяга, слишком грязный, чтобы пробуждать милосердие, слишком жалкий, чтобы вызывать агрессию. И все же был предельно осторожен, выбирался из пригорода тщательно продуманным маршрутом, по самым темным закоулкам и чужим задворкам, прятался от немногочисленных прохожих за мусорными мешками и братски обнимался с огородными пугалами. При первой же возможности свернул с дороги в лес и уже под утро добрался до сгоревшего чуть ли не полвека назад охотничьего домика, в уцелевшем погребке которого заблаговременно припрятал рюкзак с одеждой, спальный мешок, небольшой запас продовольствия и двести долларов мелкими купюрами. На дорогу этого должно было хватить с лихвой, а больше ничего и не требовалось. Даже черные английские сигареты с золотым ободком были теперь без надобности: в отличие от мистера Бринкина, Джингл-Ко не курил.

* * *

Полтора часа спустя Майра, Джонатан и девочки все-таки поехали домой, Артур взял под мышку ноутбук и отправился в свою комнату, а Клара и Ларри остались в гостиной.

– Ты, пожалуйста, не расстраивайся, – осторожно сказал Ларри. – Уверен, с ним все в полном порядке. Не понимаю, как он вышел из дома, но ты же знаешь Джи Кея.

– Я не расстраиваюсь, я сержусь. Все это выглядит как совершенно ослепительное свинство. Как-то слишком, даже для Бринкина. Перебор. Еще эта гнусная бабочка...

– Какая бабочка?

– Последний фейерверк. А, ты не видел. Неважно.

– Послушай меня внимательно, Клара, – после некоторых колебаний произнес адвокат. – Джи Кей, конечно, меня придушит, если выяснит, что я тебе все разболтал, но мне кажется, ты должна знать.

– Какую еще пакость он затеял? Подготовил бумаги для развода? Придумал, как оставить меня без гроша?

– Вовсе нет. Скорее наоборот. В течение последних месяцев Джи Кей проделал ряд довольно странных, на мой взгляд, операций. Не буду углубляться в подробности, суть в том, что он аккуратно, не привлекая к себе внимания, избавлялся от своего бизнеса. Большую часть освободившихся средств он перевел на твои счета. Кое-что досталось Артуру, сегодня перед обедом я как раз вводил мальчика в курс дела. Кое-что он отложил для племянниц, в подарок к совершеннолетию. Но все это незначительные пустяки по сравнению с твоим нынешним состоянием. Ты удивлена? Я, честно говоря, тоже. Не знаю, что и думать.

– Зато я прекрасно знаю, что думать, – внезапно осипшим голосом сказала Клара. – Понятия не имею, как он выбрался из дома и куда потом делся, но мы его больше не увидим, Ларри, помани мое слово. Никогда.

– Уверен, ты ошибаешься, – возразил адвокат. Однако особой уверенности в его тоне не было.

– Давай-ка лучше выпьем, – вздохнула Клара. – За Джи Кея, чтобы ему пусто было. Очень благородно с его стороны: сперва осточертеть мне как следует и только потом исчезнуть. Настоящий рыцарь. Я его недооценивала.

– В любом случае, если завтра он не объявится, придется сообщить в полицию, – сказал Ларри, принимая из ее рук бокал. – А то хороши мы будем, человек пропал, а мы не чешемся...

– Да уж, придется, пожалуй. Хотя Джи Кей этого бы не одобрил.

* * *

Вмешательство полиции, как и следовало ожидать, не принесло ничего, кроме дополнительных волнений. Следователь с первого взгляда невзлюбил откровенно равнодушную к судьбе мужа Клару, ее малахольного брата, смазливую ирландскую невестку, долговязого сына в недопустимо розовых джинсах и в особенности «мутную рыбу» адвоката. Он был совершенно уверен, что эта подозрительная компания, сговорившись, прикончила беднягу Бринкина, но не мог предъявить начальству ни мертвого тела, ни даже мало-мальски внятных мотивов предполагаемого преступления. Ситуацию спасла открытка с видом ночного Парижа, отправленная, впрочем, судя по штемпелю, из Рио-де-Жанейро, примерно через сутки после исчезновения мистера Бринкина. Надпись на открытке гласила: «Мне хорошо, чего и вам желаю». Экспертиза подтвердила, что почерк принадлежит пропавшему, после чего сконфуженный следователь с нескрываемым облегчением отправил дело на полку – до выяснения новых обстоятельств.

Вообще-то Ларри Кроу прекрасно знал, что именно в Рио у Бринкина полно деловых партнеров и просто приятелей; любой из них мог бы отправить заранее подписанную открытку в указанный день, но адвокат благоразумно оставил эту информацию при себе. Ситуация, когда человека, который хочет скрыться, ищут люди, отнюдь не жаждущие его отыскать, представлялась Ларри совершенно абсурдной. Он не желал в этом участвовать.

* * *

Питейные заведения, известные как немаловажная часть современной городской культуры под обобщающим названием «бар на окраине», делятся на несколько категорий. Есть бары, в которые просто заходят, полагая их чем-то вроде продолжения собственной гостиной. Бывают бары, куда заглядывают специально за новыми впечатлениями и знакомствами. Некоторые бары посещают, чтобы почувствовать себя героями; их не следует путать с заведениями, куда отправляются нерешительные самоубийцы, в тайной надежде на быструю, легкую смерть. А есть бары, куда начинают ходить, только окончательно махнув на себя рукой. Атмосфера там, как нетрудно догадаться, самая умиротворяющая.

Бар «Дом койота», расположенный на окраине городка Нью-Хуанито, в семи милях от мексиканской границы, по всем признакам, принадлежал к последней категории. Столы и стулья были уже недостаточно хороши, чтобы их можно было предложить в качестве временной обстановки каким-нибудь несчастным погорельцам, но еще не настолько стары, чтобы заинтересовать археологов. Оконные стекла были выбиты так давно, что даже старожилы не могли припомнить, что послужило причиной катастрофы: смерч, перестрелка или просто пылкая ссора влюбленных. Одноразовые картонные тарелки мыть, конечно, никто не порывался, с них просто стряхивали крошки и снова пускали в дело. Единственный целый, без единой трещины стакан был личной собственностью владельца заведения и хранился под замком на тот случай, если Жирному Джеку придет охота посетить самое безнадежное из своих предприятий. Последний раз это случилось лет пять назад; все остальное время в «Доме койота» безраздельно хозяйничал Белый Хакон. Мать его была шведкой, отец – не то вождем шошонов, не то прямым потомком последнего ацтекского жреца, не то просто бездомным мексиканским бродягой. Хакону нравились все версии, и он с удовольствием их чередовал, а иногда сообщал интересующимся одновременно. Интересующихся, впрочем, находилось немного – гораздо меньше, чем постоянных клиентов, для подсчета поголовья которых вполне можно было обойтись пальцами на руках.

От своих шведских предков Хакон унаследовал бледно-голубые глаза и когда-то рыжие, а теперь соломенно-желтые волосы; индейский вождь, мексиканский бродяга и ацтекский жрец наделили его темно-красной кожей и надменным профилем, уродливым, как иллюстрации к майанским кодексам. Возраст его был одной из немногих неразрешимых загадок, возбуждавших любопытство жителей Нью-Хуанито. Городские патриархи утверждали, будто его мать-шведка умерла от старости еще в ту пору, когда их бабки готовились к свадьбам, остальные делали вид, будто не верят в эту чушь, но про себя думали: всякое бывает, кто его разберет, этого белоглазого, пришел невесть откуда, поселился в хижине давным-давно умершей сумасшедшей старухи, такой же белоглазой, как он сам, и вот, с тех пор прошло уже тридцать с лишним лет, а Хакон все тот же, стоит за стойкой в «Доме койота», улыбается вроде приветливо, а все-таки лучше с ним не связываться, все это знают.

В тот день Белый Хакон, как всегда, нес вахту в «Доме койота». Дело шло к полудню, и посетителей в баре не было. В это время суток их и быть не могло. Поэтому за прилавком Хакон стоял на голове и развлекался созерцанием изумрудных, алых и черных языков пламени, плясавших под его опущенными веками. Это зрелище никогда ему не надоедало.

Услышав скрип расшатанной половицы у входа, бармен неторопливо изменил положение в пространстве, с достоинством выпрямился, положил кулаки на стойку, подбородок – на кулаки и адресовал посетителю самую приветливую из своих фирменных улыбок – ту, от которой шарахались не только пьяные подростки, но и выдавшие виды пожилые водители грузовиков.

Но посетитель только широко улыбнулся в ответ.

Человек, переступивший порог «Дома Койота», был, можно сказать, негативной копией мистера Бринкина. Солнце до черноты опалило его бледную кожу и выбелило каштановые волосы. Еще светлее была многодневная щетина, без пяти минут борода, которая удивительным образом делала своего владельца не старше, как это обычно случается с бородачами, а гораздо моложе.

– А, – сказал Белый Хакон. – Да это же Джингл-Ко. Где тебя носило?

– Я выполнил твое задание, Хакон, – объявил гость. – Все сделал и, как видишь, вернулся.

– Задание? – флегматично спросил бармен. – Какое задание? Я посылал тебя за консервированной фасолью? Или просил увести корову у Люси Лей? Или отправил сторожить камни в Долине Смерти, чтобы не расползались куда попало? Что-то я запамятовал. Давно дело было. Лет двадцать назад.

– Двадцать два года, – уточнил Джингл-Ко. – Ровно двадцать два, день в день. Помнишь, я сказал, что хочу у тебя учиться, а ты сказал, что это не такое простое решение, как может показаться, потому что тогда придется все бросить и идти до конца, а я сказал, не вопрос, было бы что бросать, а ты сказал, вот именно, для того чтобы все бросить, надо хоть что-то иметь, а пока несерьезный разговор, а я сказал – ну и ладно, подумаешь, вот увидишь, заработаю кучу денег, построю дом, заведу семью, а потом все брошу и приду к тебе, а ты сказал, вот тогда и поговорим, а я...

– Все, хватит. Остановись. Ну и зануда ты, Джингл-Ко, – ухмыльнулся бармен, доставая из-под стойки грязный картонный стакан. – Хочешь колы?

Все получилось

– Сейчас вылетит птичка, – говорит дядя Яша.

Ида еще не знает, что он дядя Яша. Но теперь будет знать. Дядяша – вот как его зовут. Всех как-нибудь зовут. Например, Иду зовут Ида, и еще Солнышко, и Заинька, и Сладенький, и Нашадевочка.

Иде вчера исполнился год. И поэтому сегодня ее нарядили как принцессу и отвели к фотографу, чтобы «на память». Что такое «день рождения», «принцесса», «фотограф» и тем более что такое «память», Ида тоже не знает. Зато она отлично знает, что такое «птичка». «Птичка» – это голубое и желтое, маленькое, пищит и щелкает, прыгает и летает, в руки брать нельзя, смотреть можно. Птичка живет дома, в комнате у бабушки. Называется «Лори и Джерри», а еще «попугай», «попугайчики». Птичка – это хорошо.

– Сейчас вылетит птичка, – говорит дядя Яша и прячется за какую-то непонятную большую штуку, не похожую ни на стол, ни на стул, ни на кровать, ни на шкаф. Вообще ни на что не похожую! Там, наверное, и живет птичка. Все где-нибудь живут.

Ида сидит смирно, смотрит внимательно. Ждет птичку. И вот! Вылетает! Голубая и желтая, пищит и щелкает. И летит, и улетает в окно. Ида знает, что такое окно. Оно прозрачное, через него видно небо, трогать нельзя, смотреть можно.

– Ой, и правда птичка. Даже две. Как вы это делаете? – спрашивает мама.

А фотограф дядя Яша ничего не говорит, только смотрит – на Иду, на маму и в окно. На Иду, на маму и в окно. Ида чувствует: что-то не так. Что-то плохо. Дядяша волнуется. И мама волнуется. Ида начинает плакать, потому что теперь она тоже волнуется – за компанию.

Она плачет и все никак не может успокоиться, даже дома, когда с нее сняли колючее белое платье «какпринцессу». И бабушка говорит маме непонятное, но, кажется, плохое:

– Говорила тебе, не надо на Павла дите из дома выносить, сглазят.

А мама тоже что-то ей говорит. Тоже плохое. Они теперь стали сердитые – и бабушка, и мама. А сердитые – это даже хуже, чем когда волнуются. Если с ними рядом сидеть, никогда плакать не перестанешь. Поэтому Ида идет в комнату, где сидит папа, хватается за теплую твердую ногу, держится за нее и стоит. Папа спокойный, и Ида тут же перестает плакать. Ей хорошо.

– Тичка! – говорит она папе. – Тичка!

И папа радуется.

* * *

– Сейчас вылетит птичка, – говорит дядя Яша.

Он так всегда говорит, когда Иду приводят к нему фотографироваться, на следующий день после дня рождения. Ида родилась двадцать седьмого января. Это было вчера. Ей исполнилось шесть лет. А сегодня двадцать восьмое января, так написано в календаре. Ида уже давно умеет читать и цифры тоже знает, хотя складывать и вычитать пока не научилась. На палочках – пожалуйста. Посчитать, сколько их в кучке, добавить или забрать нужное число, опять посчитать, сколько стало, и будет правильный ответ. А без палочек не выходит, Ида пытается их себе представлять в уме, но это трудно, палочек много, они разноцветные и разбегаются. Или складываются в узоры, попробуй тут сосчитай. Но папа говорит, все получится. «Потом, когда-нибудь». Так взрослые говорят, если не могут точно сказать, какого числа и в каком месяце что-то случится.

– Сейчас вылетит птичка, – говорит дядя Яша.

Но Ида уже знает, что птички не будет. Это взрослые просто так говорят, когда фотографируют. Не обещают настоящую птичку, а просто говорят, и все. Это ничего не значит, что-то вроде считалки. Ну, например, когда считаются: «Эники-беники ели вареники», – на самом деле никаких вареников никто не ест. Но это все равно не обман, а считалка, игра, стишок, просто так.

Ида сидит на стуле и старается не моргать. А то дядя Яша скажет: «Еще раз», как в прошлом году. Он тогда аж три раза ее фотографировал. А три раза неохота. Ида вообще не любит фотографироваться, но мама все равно ее сюда водит. А бабушка сердится, говорит непонятное: «Сглазят» – и не объясняет, что это значит. Наверное, это просто старинное слово, как «смагд» или «тенета». Но мама ее не слушается, хотя бабушка старше. Мама говорит: фотографироваться после дня рождения – это «наша традиция». «Традиция» – это когда каждый год делают одно и то же. Бывают хорошие традиции, например украшать елку. Хотя елка все-таки каждый год разная и игрушки разные, может быть, не все, но новые обязательно появляются. А фотограф дядя Яша каждый год один и тот же. И одинаково говорит про птичку. А птичка не вылетает. Да и кому она нужна, вон их на улице сколько – птичек.

И тут свет кааак вспыхнет! И камера кааак щелкнет! Но Ида все равно не моргнула. Решила, что не будет моргать, и все получилось.

– Так и не вылетела птичка, – говорит дядя Яша.

Он почему-то грустный. Как будто сам хотел увидеть птичку. Как маленький.

* * *

– Сейчас вылетит птичка, – говорит дядя Яша.

– Я уже не маленькая, – сердито отвечает Ида.

Она хмурится и смотрит в сторону, не в камеру. Еще чего. Она не собирается, как идиотка, смотреть в объектив и улыбаться для дурацкой фотографии. Ида и без того чувствует себя полной душой. Мама сказала, пойдем фотографироваться, и я послушалась, думает она. Не хотела, а все равно пошла. Как безвольная дура. Как корова на бойню. Пошла! Папа говорит: человек должен стоять на своем, когда речь идет о чем-то важном, но при этом надо учиться уступать близким в мелочах. Ай, мало ли что он там говорит. Пусть сам уступает. «В мелочах». И вообще в чем угодно. А у меня все важное, думает Ида. Все, что со мной происходит, – важное. А они не понимают, думают, важное – это только у них самих. А я... А у меня...

– Ладно, тогда птичка не вылетит, – говорит дядя Яша. – Если ты уже не маленькая, значит, птичек не будет. Большим птичек не положено.

И тут Иде становится обидно. Так обидно! Как будто она и правда хотела увидеть эту дурацкую птичку. А ей отказали. «Не положено», видите ли!

Ида с ужасом понимает, что еще немного, и она разревется. Как дура! Как самая глупая идиотская дура! Она закусывает губу, хмурится и исподлобья смотрит в камеру. А потом, дома, запершись в своей комнате, дает себе волю и с наслаждением ревет.

– Сделай же что-нибудь, – просит за стенкой мама.

Она тихо говорит, но стены такие тонкие, что все равно слышно.

– Я ничего не могу сделать, – отвечает папа. – Не сейчас. Пусть поплачет, если ей нужно. Это такой возраст, когда у человека весь мир болит. Разве не помнишь?

– Ну не знаю, – говорит мама. – У меня весь мир не болел. Только пара-тройка континентов. И еще остров Мадагаскар.

Они смеются там, за стенкой. И от этого Ида чувствует себя совсем одинокой. Им, видите ли, весело! А я, а я...

Но, если честно, ей уже самой надоело страдать и обижаться. Тем более там у них, наверное, торт. Он же остался. Или нет? Ида вытирает слезы и идет на кухню.

* * *

– Сейчас вылетит птичка, – говорит дядя Яша.

Хуичка, думает Ида, но вслух все-таки не говорит. Хотя очень хочется. Дядя Яша ни в чем не виноват, просто сейчас Ида зла на весь мир. У нее похмелье. Вчера до пяти утра день рождения праздновали. А сегодня Нина с самого утра начала трезвонить – дескать, давай иди фотографироваться, а потом – быстро сдавать документы, конец недели уже, сколько можно тянуть, кому, в конце концов, нужен загранпаспорт, тебе или мне?

Надо было отключить телефон, думает Ида. Отключить, и все. И все! Загранпаспорт. Загранхуяспорт! Лично мне сейчас вообще ничего не нужно, только воды и поспать, и еще воды, и опять поспать – до вечера. А потом поднять себя бережно и нежно и отвести в ванную. А еще лучше – отнести. Но отнести ее некому. Больше некому носить ее на руках, потому что... Нет, стоп. Вот об этом я сейчас думать не буду. Не бу-ду.

Вспышка света, шелчок затвора.

– Кар! – говорит Ида, взмахнув руками, как крыльями. Чем, спрашивается, не птичка. – Каррр!

Дядя Яша укоризненно качает головой.

* * *

– Сейчас вылетит птичка, – говорит дядя Яша.

Ида улыбается. Надо же. Сколько лет прошло, а он совершенно не изменился. И по заведенному обычаю, вероломно сулит птичку маленькой девочке, которую нарядили, как куклу, в пышное-кружевное-белое, причесали, как выставочную собачку, и усадили на специальный высокий стул.

Ида стоит на пороге, прислонившись к дверному косяку. Шла мимо и зашла. Она сама не знает зачем. Просто так. Вдруг захотелось. *Я вернулась в свой город, знакомый до слез.* Хотя почему именно – «до слез»? Просто в свой город. Точка. В свой незнакомый, совершенно неузнаваемый город. Все вокруг изменилось, а Дядяшино ателье такое же, как было, на том же самом месте, даже вывеска осталась старая. Фантастика.

– Сейчас вылетит птичка, – говорит дядя Яша.

А вот возьмет и кааак вылетит, думает Ида. Вот смеху будет.

Она вдруг вспомнила, как сама сидела на этом стуле – маленькое неповоротливое чучелко в пышном кусачем платье. И ведь была птичка, вылетела, даже целых две, точно! Вот и сейчас – будет.

Щелчок, вспышка, и два волнистых попугайчика, голубой и желтый, вылетают, вернее, влетают в студию через открытую форточку. Покружив по комнате, они приближаются к камере и – Ида глазам своим не верит, но это так! – исчезают, растворяются в объективе. Маленькая принцесса звонко хохочет и хлопает в ладоши.

– Ты видел? Видел? – возбужденно спрашивает мужа принцессина мама, хрупкая и очень юная, до ушей закутанная в пятнистую шубку.

Ее муж молча смотрит на форточку. А дядя Яша – на Иду. Конечно, он ее узнал. Еще бы.

Проводив клиентов, он помогает Иде снять пальто. Ставит на электроплитку старый мельхиоровый кофейник. Жестом указывает на стул – дескать, садись. И только потом, дождав-шись, пока согреется кофе, и разлив его – Иде в щербатую фарфоровую чашку, себе в эмали-рованную кружку, – спокойно говорит:

– Хорошо, что все получилось.

И коньки

– Да, – говорю, – да, обязательно зайду в магазин, только сначала погуляю, ладно? Часа два или три, пока светло. Тебе же не срочно хлеб, тебе же на вечер?

Конечно, на вечер. И я выскакиваю опрометью, пока Тина не успела спросить, где это я, интересно, собираюсь гулять в дождь, – не потому что секрет, и не потому что она не разрешит, она разрешит, просто я не люблю каждый день говорить одно и то же. Но и обманывать не люблю, вернее, люблю, но не всегда и не всех, и уж точно не Тину.

«Опять к Старой Даме побежала», – думает Тина. Она не глядит в окно, не видит, как я выскакиваю из подъезда и тут же ныряю в соседний. Она и так знает. Тина в общем не против, просто она не очень «за». Но виду не подает.

Я стучу в дверь, потому что звонок у Старой Дамы не работает. А потом сажусь на ступеньку и жду. Ждать надо долго. Старая Дама отлично слышит, но медленно ходит; к тому же она всегда останавливается возле зеркала и поправляет прическу. У Старой Дамы волосы белые-белые, совершенно седые, зато густые и кудрявые, она их очень аккуратно укладывает и заливает лаком, а потом все время поправляет, а если уж окажется перед зеркалом, начинает укладывать заново; однажды мне целых полчаса пришлось ждать, но я никогда не уйду и второй раз не стучу, знаю, что рано или поздно она откроет.

Сегодня мне повезло, она открыла почти сразу, пяти минут не прошло. Наверное, мой стук как раз застал ее в коридоре, возле зеркала, когда прическа уже была в полном порядке, вот только завиток на лбу поправить и еще один, на виске.

Старая Дама очень красивая. Раньше мне казалось, старушки красивыми не бывают. Но это глупости – еще как бывают. Просто самые красивые старушки, наверное, тоже редко выходят из дома, и на лавочках они не сидят, и по магазинам не бегают, поэтому мы о них ничего не знаем. Я часто думаю: интересно, откуда Старая Дама берет еду? Ей кто-нибудь приносит? Или она все-таки сама покупает? Или просто ничего не ест? Меня, во всяком случае, она никогда ничем не угощает, кроме бесцветных, прозрачных, как льдинки, мятных леденцов, от которых такой приятный щекотный холодок во рту и в горле, а иногда кажется, что даже в голове, – очень здорово!

В квартире Старой Дамы очень холодно. Она не любит включать отопление. Даже в прошлом году, когда три дня подряд был самый настоящий мороз, и то не включила. Тина говорит, она экономит, отопление очень дорогое, а пенсия маленькая. Но мне кажется, Старой Даме просто не бывает холодно. Я иногда у нее дома в свитере и в шерстяных носках дрожу, а она сидит себе в шелковом платье, и ничего ей не делается.

– Здравствуй. Молодец, что пришел, – говорит Старая Дама.

Она думает, я мальчик. Это, наверное, потому, что я всегда в джинсах и волосы едва закрывают уши. Наверное, когда Старая Дама сама была маленькая, девочки так не одевались. Это же ужасно давно было! Может быть, сто лет назад.

Старая Дама часто говорит: «Я так рада, что ты мальчик, девочки никуда не годятся», а если я возражаю, не слышит или делает вид. Так что я уже и не очень-то возражаю, какая мне разница, кем она меня считает, главное, что пускает в гости, угощает мятными леденцами и рассказывает разные интересные вещи.

Она еще часто говорит: «Нынешние девочки никуда не годятся, потому что их воспитывают как прислугу. Вот меня воспитывали как принцессу, но теперь так не заведено». И еще много разного говорит Старая Дама про девочек и мальчиков, я ее не очень понимаю, если честно. Тем более что Тина меня вообще не воспитывает, ни «как прислугу», ни «как принцессу», только следит, чтобы ноги и уши были чистые и десять новых английских слов в день, даже если воскресенье, и еще надо обязательно звонить, если задерживаешься, – ну и вроде все.

Но слушать Старую Даму ужас как интересно, даже когда непонятно.

А сейчас она говорит: «Ну что, займемся делом?» Я не прыгаю и не хлопаю в ладоши, потому что Старая Дама этого не любит, я знаю, – но только поэтому. «Займемся делом» – это значит, что мы пойдем в гостиную и будем собирать огромный пазл из тысячи кусочков или даже больше, я точно не знаю, но их очень, очень много. Вернее, это я улягусь на бледно-голубой, как глаза Старой Дамы, ковер и займусь пазлом, а она будет сидеть в кресле и рассказывать истории. Больше всего на свете я люблю слушать истории и возиться с мозаикой, а в гостях у Старой Дамы можно делать то и другое одновременно. А Тина еще удивляется, что я тут каждый день пропадаю, «как медом намазано», говорит она, хоть и знает, я мед терпеть не могу, не-на-ви-жу.

У меня дома, конечно, тоже есть пазлы, но они все уже по сто раз собраны и разобраны, я, наверное, с завязанными глазами уже могу их собирать, на ощупь, а слушать при этом в основном приходится радио, потому что Тина вечно занята, я же понимаю.

В общем, никакого сравнения.

Сейчас я складываю старинную карту мира, она совсем не похожа на настоящую, где тут Европа, а где Африка – совершенно непонятно, а вместо двух Америк вообще нарисован маленький остров, а на острове стоит большой-пребольшой индеец, он там еле-еле помещается, умора. Старая Дама сидит в своем кресле и рассказывает, как училась в гимназии – так раньше школы назывались, я знаю. Порядки у них были ужасно строгие, но, по-моему, все равно очень здорово было, например, никакой физкультуры, зато вместо нее уроки танцев, и еще в гимназии учили латынь, это такой мертвый язык, наверное, его специально придумали, чтобы разговаривать с мертвецами. Такая жуть!

Я ищу кусочек с рукой индейца, где-то же должна быть его рука! Может быть, даже с ножом или с копьем. Ищу и одновременно представляю, как Старая Дама, закрыв за мной дверь, принимается ждать других гостей. Ну конечно! В полночь к ней приходят мертвецы – поговорить. Потому что им же, наверное, ужасно одиноко. Мало того что умерли, так еще и латынь теперь дети не учат, и выходит, никто-никто из живых, кроме Старой Дамы, не понимает их мертвого языка. Очень обидно.

Я думаю, может быть, мне тоже выучить латынь? Не то чтобы так уж хотелось каждую ночь принимать в гостях мертвецов, я их, честно говоря, немножко боюсь или даже не немножко. Но это же нечестно, если их совсем никто не будет понимать. И потом, мертвецы, наверное, знают сто миллионов интересных историй. Вот пусть и рассказывают.

Но я еще немножко подумаю. Трудно вот так сразу решиться.

* * *

В сумерках я прощаюсь и иду в коридор одеваться. Тина ждет, а мне еще за хлебом надо зайти. Старая Дама недовольна. Она не любит, когда я ухожу. Иногда я немножко боюсь: а вдруг она однажды меня не выпустит? Возьмет и не откроет дверь – и что тогда? И на окнах у нее решетки, красивые такие, кружевные, как снежинки, а не пролезешь ни за что. Но вообще-то, конечно, ничего страшного, Тина-то знает, где я сижу, ее не проведешь, если что, придет за мной сама. И даже не очень рассердится, поймет, что я не нарочно.

Ну и вообще, мало ли что мне иногда кажется. Старая Дама поворачивает ключ, два полных оборота, и путь открыт. На прощание она всегда целует меня в лоб, вот и сегодня. Я вообще-то не люблю, когда чужие взрослые лезут целоваться, но Старой Даме можно, у нее прохладные губы и белые волосы пахнут чистотой, как высушенное на морозе белье.

– Приходи завтра, – говорит она.

Ну конечно! Конечно же, приду. Тем более что опять будет дождь, на улице не погуляешь, а пазл еще собирать и собирать, больше половины осталось. Старая Дама обещает, что, когда я закончу работу, она подарит мне коньки, и это очень здорово, хотя я, честно говоря, не понимаю, где на этих коньках кататься, потому что морозов у нас почти никогда не бывает. Ну вот да, прошлой зимой были, целых три дня, но пруд в парке так и не успел замерзнуть.

Одна и та же книга

– Я хочу воооон тот кусок пирога, – сказал Мэтью.
– Это мой кусок! – насупилась Джина.
– С какой стати твой?
– Потому что он как раз напротив меня.
– Логично, – согласился Мэтью, ухмыльнувшись и молниеносным движением развернул блюдо. – А теперь напротив меня! – торжествующе объявил он, перекладывая спорный кусок на свою тарелку.

Джина побледнела от злости, но ничего не сказала, только пожала плечами и демонстративно отвернулась. Зная дочку, Тимоти не сомневался, что месть вскорости воспоследует и будет воистину ужасна. Неделию назад Джина закончила читать «Графа Монте-Кристо» и на вопрос, понравилась ли ей книга, печально покачала головой: «Какой-то он слишком уж добрый». Поэтому задиристое поведение сына вызывало у Тимоти невольное уважение. «Будь у меня такая злющая сестра, я бы, пожалуй, не стал ее дразнить, – думал он. – Во всяком случае, не так часто».

– Вы бы все-таки придумали что-нибудь новенькое, – флегматично сказала близнецам Нора. – Как-то скучно вы в последнее время ссоритесь. И поводы для ругани у вас дурацкие – с утра из-за зубной пасты подрались, теперь вот пирог. Хуже взрослых, честное слово. Включите воображение!

Нора зарабатывала на жизнь, сочиняя увлекательные детские книжки, герои которых то и дело попадали в невероятные истории, так что угодить ей было непросто. По сравнению с придуманными персонажами собственные дети казались Норе исключительными занудами, а их постоянные ссоры и драки – чем-то вроде тягостных заседаний суда по гражданским делам. Книга про Джину и Мэтью вряд ли стала бы бестселлером, и это всерьез тревожило их мать. «Когда вам было четыре года, Джина побила Мэтью подушкой за то, что он смотрел ее сны вместо своих, – то и дело вспоминала она. – Вот это, я понимаю, повод для драки! Такие были хорошие дети... И что с вами стало?!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.